



Черная кошка

Андрей Дышев

Щекочу нервы. Дорого (сборник)

«Автор»

Дышев А. М.

Щекочу нервы. Дорого (сборник) / А. М. Дышев — «Автор»,
— (Черная кошка)

Очень нравилось богатенькому бизнесмену Александру Юдину быть монгольским ханом – грабить, жечь, насиловать... Душа, истосковавшаяся по особым ощущениям, ликовала. Поэтому, когда экстрим-агентство "Сламбер" предложило ему побыть крутым гангстером, он с радостью согласился. В черном костюме и черных же очках, в лихо заломленной шляпе он ворвался в банк, размахивая пистолетом, и вскоре вышел оттуда с чемоданом денег и горой трупов за спиной. Ничего, что все это – игра, зато нервы щекочет что надо. Но очень скоро Юдин понял, что это была вовсе не игра. Похоже, его крупно подставили, и теперь, чтобы замести следы, ему придется убивать по-настоящему. Что он и делает. Но – увы! – самый настоящий экстрим еще впереди...

© Дышев А. М.

© Автор

Содержание

Щекочу нервы. Дорого	5
1	5
2	11
3	16
4	20
5	25
6	30
7	35
8	40
9	45
10	50
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Дышев

Щекочу нервы. Дорого

Щекочу нервы. Дорого

Повесть

1

Юдин с напряженным вниманием смотрел, как Мила листает рекламный буклет со скрипуче-резиновыми мелованными страницами. Лазуритовое море выплескивалось с них на зеркальный столик.

– Может, в Таиланд? – спросила она, и ее перламутровый ноготок уткнулся в пальму, похожую на горящий зеленым пламенем факел.

– Мне надоели вонючие слоны и наглые обезьяны, – ответил он ледяным голосом.

В Таиланде они были три месяца назад. Вонючих слонов и наглых обезьян он видел там лишь издали, они никак не могли ему надоест. Ему надоела жена. Окончательно. Бесповоротно. До краев терпения. Мало того, он почувствовал, что она начинает потихоньку приучать его к своим желаниям, начинает навязывать ему свою волю. Это были опасные симптомы. Впрочем, опасные – слишком громко сказано. Юдин не позволит ей поднять голову и ни на йоту не утратит власти над женой. Потому что она – ничто. Человек, от которого ничего не зависит в их семье. Она ничего не может. Она не родила ему ребенка, не заработала денег, не сделала карьеры, не стала актрисой, фотомodelью или на крайний случай мелким начальником. Полнеющая и быстро стареющая женщина.

Он смотрел на ее ухоженные руки, на отливающие ракушечным перламутром ногти. И это тоже – его заслуга. Его деньги облагораживали заурядную внешность Милы. Она, как давно повелось в их семье, попросила у него денег на маникюр. А он ей ответил: «А ты попробуй быть красивой без денег. Возьми естественную красоту у природы. Сядь на диету, начни бегать в парке, купайся в проруби». Он вволю поиздевался над ней перед тем, как дать деньги, и хорошо видел, что его слова достигают цели, причиняют ей унижающую боль. Но не возмущалась, терпела. Знала кошка, чье мясо съела...

И Юдин дал себе зарок, что никогда больше не поедет с Милой в отпуск. Он и только он будет распоряжаться собой, придумывать себе развлечения и выбирать удовольствия. Ибо он хозяин, кормилец, лидер – словом, бог и царь для этого жалкого и слабого существа... Мила перевернула страничку. Он смотрел на жену исподлобья, с тоскливым ожиданием очередной попытки проявить требовательный каприз. Ему доставляла удовольствие эта игра, и он ждал, когда она снова заговорит, чтобы ответить ей насмешливо и высокомерно.

Мила рассматривала большую фотографию пронзительно-синего залива, стиснутого горячими желто-коричневыми холмами. Наверняка там американцы снимают пейзажи, которые потом выдают за марсианские. В Шарм-Эль-Шейхе они отмечали прошлый Новый год, это была идея Милы. Юдин чувствовал себя идиотом, прогуливаясь в плавках по пляжу. Его генетическая память пребывала в панике, ей не хватало мороза, сугробов и пахнущих свежей хвоей елок. Но Миле там очень понравилось. Особенно ее впечатлило, как курчавый, со сверкающими жуликоватыми глазенками арапчонок, прибиравший в номере, скручивал из полотенца белых лебедей.

– В Шарм-Эль-Шейх ты, конечно, не хочешь, – сказала жена, почувствовав, какое мощное противодействие для нее подготовлено. – Тогда, может быть, на Канары? Да! Я хочу на Канары!

– А ты заработала на Канары?

Она молча опустила глаза, делая вид, что читает список услуг и расценок. Вопрос без ответа. Вопрос – напоминание. Вопрос – хлыст. Мелованная страничка дрожала в ее пальцах. Лет пять назад все было иначе. Юдин служил авиационным техником в умирающей подмосковной воинской части, и эта служба не была нужна ни родине, ни семье, ни ему лично. Она вообще никому не была нужна, даже командиру части, обрюзгшему полковнику, который продал на металл все, что пожелали купить китайские предприниматели. Юдин с Милой несколько лет сидели без денег, жили в тещиной квартире. Теща, злобная и жадная лупоглазка, похожая на железнодорожный семафор, скрещивала руки на своей высохшей груди и отрывисто выплевывала одни и те же слова: «И долго это будет продолжаться? Долго ты собираешься сидеть на моей шее?» Мила заблаговременно исчезала в закоулках большой, темной, пахнущей мастикой для полов квартиры, чтобы не предавать Юдина открыто. Потом, оставшись с Юдиным наедине, хлопала глазами, до отвращения сильно смахивая на мать, и фальшиво сокрушалась: «Неужели она так и сказала? Я обязательно с ней поговорю! Я ей все выскажу!»

А потом вдруг его брат Виктор тихо и быстро приватизировал занюханый заводик по производству арматуры, где служил военпредом, подмял мелкие, раскиданные по городу цеха и склады и выставил счет должникам. В качестве вышибалы принял на работу Юдина, который уволился со службы за один день и стал стремительно прибавлять в весе. Периферийные должники, напуганные тугим животом и уголовным сленгом Юдина, расплачивались быстро и чем могли. Если не было денег, отдавали подержанные иномарки, дачи, строительные материалы. Через год Юдин въехал в четырехкомнатную квартиру, отобранную у обанкротившегося бизнесмена за долги, занял загородный дом другого должника и сел за руль навороченной «БМВ». Но высшее удовольствие доставили Юдину новые отношения с тещей. В меду захлебывалась его душа, когда теща униженно лебезила перед ним: «Сашенька, а что ты хочешь на ужин? Что тебе приготовить такого, чтобы тебе было вкусно? А давай я твои носочки постираю!» И Юдин, протягивая теще ногу, смотрел, как она, раскорячившись перед ним, бережно стягивает с его ноги носок, и думал: «По-другому запела, поганая старуха?» Или, например, он приезжал к ней в гости, обедал, а потом сразу же надолго занимал туалет. Просидев там изрядно, он выходил и объявлял: «У вас, Зинаида Викторовна, сегодня был на редкость вкусный борщ!» Тем самым он обрекал тещу на тяжкие и мучительные размышления о том, почему зять пришел к такому выводу, сидя на унитаза.

Вся его семейная жизнь с тех пор стала реваншем, восполнением вычерпанного до дна достоинства, замасливанием былых унижений. Юдин не мог насытиться. Слаще секса стали обыкновенные разговоры с женой, когда она, с отчаянием щадя свое самолюбие, просила у него денег. «Скажи «гав!», – требовал Юдин, зажав в пальцах и высоко подняв несколько крупных купюр. «Гад!» – отвечала жена, ловко смазывая последнюю букву. «Плохо! Еще разочек!» – требовал Юдин. «Гад!» – звонко повторяла жена, по-собачьи безвольно свесив руки над грудью...

– А если в Испанию, Саша? Бой быков, красное вино, лазурный берег?

– Пошлятина! – Юдин закатил глаза под потолок, который подпирали нежными плечиками лепные амурчики. – Небоскребы стоят по границе пляжа. Над головой грохочет хайвей. Я чувствовал себя там цирковым дельфином во время представления... У тебя запросы провинциальной дурочки, падкой до любой рекламы.

Мила застыла на мгновение, обида парализовала ее. Но замереть, застыть – значило показать, что обида достигла цели, усвоена, растворена где-то в пульсирующей аорте. Она попыталась вести себя так, будто Юдин сказал ей что-то приятное. Повела плечом, склонила голову

набок, неловко поправила упавшую на лоб челку. Юдин обратил внимание, что у нее полные руки. И зачем она купила это дурацкое платье в стиле ретро, без рукавов и с наглухо закрытым воротом? Разве можно такие руки выставлять напоказ? Мила неудержимо полнеет. Это первый признак приближающейся старости. Замедляются обменные процессы, тело становится менее подвижным, и под кожей начинают разбухать комочки жира, похожие на желтые грозди недозрелых куриных яиц. Какая гадость! Юдин представил на ее месте тонкую, как осока, нимфеточку, только что сошедшую с модельного подиума. Заманчиво. Однако... Многие коллеги Юдина, поднявшиеся на бизнесе, поменяли стареющих жен на полупрозрачных фотомоделей. Какой-то болезненный бум – все новое, все дорогое, все престижное: машина, квартира, костюм, зажигалка, мобильник, собака, жена... Но Юдин удержался от столь радикальной хирургии, стареющую жену вырезать из жизни не стал. А зачем? Для качественного секса вовсе не обязательно иметь красивую жену, все плотские радости можно найти в ночных клубах. Зато стареющая, бездетная, безденежная и накачанная комплексами вины жена блестяще отгнет мужское лидерство, его монопольное право на власть в семье. А молодость и красота – это сильное оружие, против них нужны сверхмощные аргументы, особенно большие деньги, особенное обаяние, любовь и мужественность, с которыми у Юдина были проблемы.

– Тогда, может, на Мальдивы? – осторожно предложила жена, прекрасно помня, как два года назад на атолле Ари Юдин наступил на какую-то морскую гадину, после чего его нога стала напоминать надутую резиновую перчатку. Он кричал на жену так громко, что сбежался персонал гостиницы. Прыгая на одной ноге, Юдин переворачивал пластиковые лежаки и вырывал из песка зонтики. «Хотела Мальдивы?! Получила?! Удовлетворилась?!» – срываясь на визг, кричал он, а Мила бегала вокруг него и не знала, с какой стороны лучше поддержать мужа под руку.

Мила перевернула очередную страницу буклета. Она запуталась, затерялась в галерее неправдоподобно ярких фотографий, где море, пальмы, отели, двуспальные кровати и сервированные столы почти не отличались друг от друга, но все еще не сдавалась, все еще пыталась найти компромисс.

– Кипр, Эмираты, Турция, Греция, Италия, Чехия, Черногория, – перечисляла она, будто играла в морской бой и, отчаявшись точно попасть в цель, перешла к ковровой бомбардировке.

– По-моему, тебе все равно, куда ехать. Ты хоть знаешь, где находятся эти страны?

– Зачем знать? – отшутилась она. – Самолет довезет.

– Так может говорить человек, который не знает цен и не зарабатывает.

– А что ты хочешь? – мягко вспылила Мила, что редко могла себе позволить. Она захлопнула буклет и кинула его на столик.

– Чего-нибудь нового! Необычного! Чтобы удивило! Чтобы продрало до спинного мозга! А валяться на пляже я больше не хочу!

Юдин захватывал новый плацдарм свободы. Он подводил жену к выводу о необходимости впрямь отдыхать врозь.

– Тогда лети в космос, – предложила Мила.

– Космос – слишком дорогое удовольствие, – с полной серьезностью заявил Юдин. – Если бы ты подарила мне двадцать миллионов долларов, то я бы полетел.

Она не могла подарить ему даже более-менее приличного галстука. В НИИ, где она дописывала диссертацию по проблеме уменьшения числа Кнудсена с одновременным утончением пограничного слоя в сопле Лавала, денег не платили, помещения не отапливали, а позже отключили воду в туалете, и туда приходилось ходить с ведром. Не желая мириться с тем, что она, без пяти минут кандидат наук, обладательница двух высших образований, материально зависит от мужа, Мила стала лихорадочно искать новую работу с достойным заработком, но ей

либо вовсе не платили, либо ставили грабительски-невыполнимые условия. Окончились долгие поиски тем, что подруга устроила Милу оператором во вневедомственную охрану.

Она сидела на телефоне, ставя и снимая с сигнализации квартиры. Ей сообщали пароль и код квартиры, а она отвечала: «Сняла Юдина!» Юдин насмешливо спрашивал, правильно ли понимают ее клиенты, когда слышат, что она что-то «сняла». Деньги Мила приносила какие-то смешные. Юдин знал, зачем она с таким упорством ходит на службу – чтобы частично выбить из его рук главный козырь. Оставаясь единственным добытчиком, Юдин напрочь игнорировал какие-либо семейные обязательства, мотивируя тем, что у него был тяжелый рабочий день. Теперь же и Мила, вернувшись с работы, хоть и вяло, но все же могла парировать: «И у меня был тяжелый рабочий день!»

Он долго думал, как распорядиться ее зарплатой, и наконец закрепил за ней обязанность снабжать семью туалетной бумагой...

Мила дулась в дозволенных ей рамках. Юдин с тонко поставленной гримасой рассматривал едва отросшие волоски на мускулистых икрах Милы. Они молчали, но по-разному. Молчание Юдина означало: «Мне все надоело – и ты, и твои замызганные курорты. Хочется свежих, ярких и острых ощущений». Молчание Милы, болезненно опущенные глаза и искривленный скрытой мукой рот говорили: «Тебе деньги достаются задарма, ты получаешь их не напрягаясь, тебе платят за твой толстый живот и заплывшие веки. Ты с жиру бесишься, пресыщенный боров!» Пресыщенный боров – это не было фантазией Юдина. Этот фразеологизм сорвался с губ Милы после того, как она узнала, что Юдин регулярно посещает массажный салон, где его умело принуждают «расплескаться» три голые девицы (две с Украины, одна из Адыгеи. Все страшно «гыкают» и «шокают»). Богу и царю негоже было оправдываться, и Юдин, ухмыляясь, заявил, что напрасно она моральничает, потому как супружеской измены с его стороны не было, а имел место своеобразный способ релаксации, физиологического облегчения, ибо уже ничто другое – ни водка, ни боулинг, ни бильярд – не восстанавливает его нервную систему. Тогда Мила позволила себе невиданную дерзость и скомканным от обиды голосом ответила: «Конечно, ты уже все испытал в жизни. В семье тебя уже невозможно удивить, возбудить или обрадовать. А мне что теперь делать? Я для чего тебе?» И выдала тот самый оскорбительный фразеологизм. Юдин не ударил ее, не выставил за дверь. Но четко дал понять жене, что это оскорбление полностью развязывает ему руки и окончательно освобождает от каких бы то ни было моральных обязательств. И подытожил: «Уж, конечно, ты со своей дрожжевой внешностью и подкожным холодцом не возбуждаешь во мне интереса». Мила, кусая губы, чтобы не выплеснуть слезы на паркет, ушла, хлопнув дверью. Но через несколько часов вернулась. Ей ровным счетом некуда было идти. Мать не пустила бы ее на порог своего дома, обозвала бы дурой и приказала бы терпеть, терпеть и еще раз терпеть ради материальных благ. «Сколько раз парк обошла? – издевательским тоном поинтересовался Юдин, надкусывая копченое куриное крылышко и отхлебывая пиво из бокала. – Небось представляла, как я кидаюсь тебе в ноги?»

Милу как током ударило. Она в самом деле представляла себе нечто подобное, что помогло ей выплакать все до последней слезинки. Однако сдержала порыв снова выйти из квартиры, неслышно прошла в спальню и там притихла, как нагулявшаяся и озябшая кошка.

А Юдин про себя отметил, что планка терпимости Милы повысилась еще на несколько пунктов и теперь можно наглеть пуще прежнего. Никогда она от него не уйдет, что бы он ни творил! Никому не нужна стареющая бесплодная женщина. Нет у нее ничего за душой и не будет. Даже квартиру в случае развода разменивать не придется, так как по документам она принадлежала фирме, которую возглавлял брат Виктор. «Не дуйся так!» – примирительно прошептала Мила, когда Юдин забрался под одеяло и начал кряхтеть и чесаться. Юдин понял, что может нечаянно сойти с захваченного плацдарма, на примирение не поддастся и буркнул: «От тебя пахнет потом». Мила пулей выскочила в душевую, долго плескалась там, натирая мочалкой где только могла достать. Когда она – раскрасневшаяся, скрипучая от чистоты –

вернулась в кровать, Юдин притворился спящим. Ему не хотелось признавать, что супруга теперь благоухает.

И в этот раз они сразу затихли в кровати, старательно сдерживая дыхание и не шевелясь, словно враждующие лазутчики на нейтральной территории. Юдин жадно удерживал захваченные позиции. Этим отпуском он распорядится сам, от первого до последнего дня. Он выгребет всю завоеванную в трудных боях свободу до последней капли. Он позволит себе то, что даже в голову не приходило его избалованным коллегам по работе. Юдин поедет на Тибет к буддийским монахам! Или совершит восхождение на Эверест... Нет, он опустится в батискафе на дно Марианской впадины! Или проедет по сельве на джипе! Ведь Юдин – крутой, молодой и сильный мужик! Ему все по плечу! Он супермен! Он звезда первой величины!

Правда, звезда первой величины недавно перешла условно-психологический барьер и теперь весила сто двадцать килограммов (по утреннему замеру, после посещения). Это несколько портило тот имидж, в который Юдин себя старательно упаковывал. Конечно, в его рыхлом животике виновата жена. «Кипр, Эмираты, Турция, Греция...» По ее прихоти ему приходилось часами валяться на пляжах, а потом обжираться в ресторане, через силу впикивая в себя бесконечный all inclusive. Он передавал, как клопов, пляжные шезлонги всех континентов (исключая Антарктиду, так как холод Юдин не переносил) и полностью выбрал весь спектр однообразных туристских предложений. И потому утром Юдин в ультимативной форме объявил жене, что нынешний отпуск они проведут раздельно, каждый по своему усмотрению.

Мила восприняла это решение едва ли не как безоговорочное желание Юдина расторгнуть брак. Она даже всплакнула в ванной, там же умылась, просушила феном ресницы и накрасила их заново.

– Ты хочешь поехать на море с любовницей? – не то спрашивая, не то утверждая, сказала она.

– Что ты, динозаврик мой! – снисходительно ответил Юдин, целуя женин кончик уха. – Ты навсегда отбила у меня интерес к женскому полу.

Она с испугом взглянула на него:

– Ты что ж, теперь интересуешься мальчиками?

Дура душой! Он так ей и сказал. Мила, частично соглашаясь с этим утверждением, глупо хихикнула и стала подбирать с паркета листочки фикуса. Зеленое лохматое чудовище, вымаханное почти до потолка, вдруг стало осыпаться. То ли лето выдалось очень жарким, то ли разросшимся корням стало тесно в глиняном греческом горшке. Юдин смотрел, как жена ползает по полу, складывает в пакет жесткие гляцевитые листья, словно рассыпанные доллары, и думал о том, что отправлять жену на курорт и при этом не испытывать страхов и сомнений – редкое и ценное явление, которое надо лелеять и холить.

– Я дам тебе триста... нет, даже четыреста долларов, – сказал он, удивляясь своей необыкновенной щедрости. – И можешь выбирать страну.

– Я буду по тебе скучать, – пообещала Мила, протягивая ему рекламный буклет, на обложке которого был запечатлен загорелый парень с впалым животом и серфингом под мышкой.

Едва Мила понесла очередной урожай фикусных листьев в мусоропровод, Юдин измерил портняжным сантиметром объем своего живота. «Надо худеть!» – твердо решил он. Месяц назад было на два деления меньше. Потом Юдин, разумеется, пошел на кухню, чтобы повысить настроение естественными морфинами, в большом количестве находящимися в копченой грудинке и жирной рыбе. «Мила уедет, – клятвенно заверял себя он, – и я возьмусь за себя. Никаких разносолов! Спартанский режим. Экстремальный спорт. И много-много женщин. Говорят, от них быстро худеют».

На последней странице рекламного буклета наседали друг на дружку объявления об экстремальных развлечениях. Юдин читал их и мысленно прикладывал к себе, словно одежду в

примерочной. Сплав по горным рекам, восхождения, полеты на парапланах, рафтинг, а также походы по местам боевой славы он отмел сразу. Почти все эти удовольствия он испытал в годы комсомольской юности, когда вес его тела с трудом мог расшевелить стрелку весов. Подавляя зевоту, Юдин опустил взгляд в самый низ страницы и нашел там следующее предложение от некоего экстрим-агентства «Сламбер»: «Испытайте себя в роли великого полководца, террориста, захватчика или гангстера. Впечатляющий размах! Предельное эмоциональное напряжение!» Жизнь научила его с опаской относиться к рекламным объявлениям, тем не менее он очертил объявление коричневым косметическим карандашом.

– Нашел что-нибудь? – спросила Мила, вернувшись.

Она долго рассматривала то, что Юдин поместил внутри коричневой окружности. В экстрим-агентство «Сламбер» он поехал немедленно, потому как Мила, действуя ему на нервы, демонстративно обвела толстым черным маркером фотографию мускулистого серфингиста и взялась за телефон... Чертовски приятно распорядиться своими деньгами, не согласовывая это с женой! Юдин вел машину необыкновенно плавно, словно скоростной катер по гладкой поверхности моря. Хилое чувство жалости он без усилий подавил воспоминаниями. Как она вместе с мамашей унижала его! Но время – чудесный судья. Оно все расставило по местам, каждому определило свою нишу в иерархической лестнице жизни. Теперь Мила – ничтожество, пустое место, бледная тень, за плечами которой нет ничего, кроме двух высших образований. В былые времена она при любом удобном случае напоминала ему о своих дипломах и учености. Юдин завидовал, мечтал поступить в какой-нибудь вуз и стать полноценным человеком. Вовремя одумался. Ну что такое высшее образование? Что это образование дает Миле? А он, Юдин, и без образования личность. Он делает бабло. У него крутая тачка. У него штаны свалились бы под тяжестью денег, которыми набиты карманы, если бы не пузо. Он может позволить себе многое!

2

У сотрудницы турагентства были накладные ресницы, причем такие огромные, что, когда она хлопала ими, от ветра шевелились странички перекидного календаря.

– Меня зовут Гертруда Армаисовна, – медленно говорила она, откинувшись на спинку крутящегося кресла и посасывая пухлыми губами кончик авторучки. – Наше агентство работает по контракту с актерами, декораторами, пиротехниками и каскадерами «Мосфильма». Вы либо сами придумываете тему игры – но это будет стоить дороже, либо выбираете ее из наших заготовок и определяете свою роль. Сценарист пишет сценарий. Два дня на подготовку площадки – и начинается действие!

Юдин с первого раза ничего не понял, потому как его внимание было сосредоточено не на словах сотрудницы, а на ее груди. Два полушария томились в тесном платье и выглядели из-за него, словно полированные лысины солдат, сидящих в окопе. Юдин думал, переспал бы он с ней или нет, а если да, то сколько бабла отвалил бы за эту радость. Сотрудница была сложена непропорционально, все детали в ней были словно сняты с других людей: грудь несоизмеримо больше плеч; голова маленькая, сплюснутая, зато нос большой, словно клюв у вороны; ноги крепкие, мясистые, бройлерные, а вот бедра узкие, и попка как резиновая грелка без воды. Издали ей можно было дать двадцать пять, а вблизи – тридцать пять. Тяни-толкай какой-то, а не сотрудница экстрим-агентства. Но тем не менее была в ней некая извращенная сексапильность.

– Действо? – переспросил Юдин, переключив внимание на большой плакат, висящий над девушкой. Актер Юрий Яковлев, одетый в костюм царя Ивана Грозного, сердито замахивался мечом.

– Вы любите историю? – Гертруда Армаисовна тотчас перехватила взгляд Юдина. – Древний мир? Средние века? Или новое время?

Она поднялась из-за стола и стала медленно наступать на Юдина.

– Новое время, – ответил Юдин.

– Я так и думала, – с тихим волнительным присвистом произнесла Гертруда Армаисовна. – У вас хороший вкус. Хотите стать знаменитым гангстером Аль Капоне? Или испытать все то, что испытывал Пугачев, сидя в подвале Бутырки? Или прочувствовать на себе последние часы жизни Гитлера?

Юдин представил, как Гертруда Армаисовна взмахивает рукой и все вокруг неузнаваемо меняется, откуда-то доносятся тяжелые гулы взрывов, с потолка сыплется штукатурка, мимо носятся испуганные люди в гестаповской форме и Ева Браун по-паучьи подкрадывается к нему со смертельным шприцем в руке...

– Я предпочел бы прочувствовать на себе лучшие часы жизни турецкого султана, – ответил Юдин.

– Прекрасно, – легко согласилась Гертруда Армаисовна и вернулась к столу. Достала откуда-то пухлый скоросшиватель и принялась листать страницы. – Султан... султан... А не желаете стать монгольским ханом? Это почти то же самое. Заявок много, но есть свободное окно на послезавтра.

– Я не совсем понял, – признался Юдин, прижимаясь спиной к стене, – что значит стать монгольским ханом? Это как? Какой-то наркотический препарат?

– Что вы! Что вы! – с негодованием замахала руками Гертруда Армаисовна. – Какие наркотики?! Только реальность! Я же вам объясняла: актеры, декорации... Допустим, вы пожелали стать монгольским ханом. И вот словно на машине времени вы попадаете в Древнюю Русь. Со своей ордой врываетесь в деревню. А там – хаты, покрытые соломой, девушки в длинных белых сорочках, седебородые старцы с большими ендовами...

– С чем, простите?

– Неважно! – отмахнулась Гертруда Армаисовна. Она уже наполовину ушла в мир воображения, и ее широко раскрытые глаза сверкали как бриллианты. – А вы – жестокий и беспощадный завоеватель. Вы приказываете своим воинам сжечь деревню. Соломенные крыши вспыхивают, как факелы. Черный дым коптит небо, заволакивает солнце. Повсюду беснуется пламя. Девушки, подхватив подола рубах, в ужасе бегут к лесу, но вы настигаете их на своем вороном коне и начинаете насиловать...

– Как насиловать? – уточнил Юдин, чувствуя, как у него екнуло сердце.

– Как-как! Разве вы не знаете, как это делается?

– По-настоящему? – волнуясь от открывшейся перед ним перспективы, уточнил Юдин.

– Конечно, по-настоящему! В этом-то вся изюминка!

– А мне потом мотать срок?

Гертруда Армаисовна осеклась, цокнула ногтями по полированной поверхности стола, посмотрела на Юдина иронично, как он часто смотрел на Милу.

– Все это – игра, молодой человек, инсценировка. Понимаете? Деревня – бутафорская. Люди, участвующие в массовке, – актеры. И девушки не совсем обычные, а... как бы вам сказать... в общем, профессионалки своего дела. Разве что кони и огонь будут самыми настоящими.

«Вот это да!» – подумал Юдин, чувствуя, как у него взопрела спина и учащенно забилося сердце. Ему было неловко признаться даже самому себе, что предложение сотрудницы экстрим-агентства попало не просто в «десятку», оно угодило в самые затаенные уголки его души, выковырнуло их на поверхность, придало им конкретные и ясные контуры. Юдин даже предположить не мог, что именно этого – безграничной власти, приправленной некоторой долей жестокости, – ему так остро хотелось, но это желание до сих пор где-то пряталось, ничем не выдавая себя. Монгольский хан! Воин, поработитель, захватчик, насильник! Вот из чего состояла вторая, скрытная, потусторонняя суть Юдина!

Ему трудно было скрыть свои чувства. Юдину казалось, что Гертруда Армаисовна заметила его волнение и мысленно смеется над ним: все вы, мужики, такие! Если бы он курил, он бы непременно закурил, чтобы чем-то замаскировать свое смятение. Гертруда Армаисовна принялась раскладывать перед Юдиным фотографии, словно пасьянс. Фотографии были похожи на кадры из фильмов: и конница во главе с Чапаевым неслась на пулемет, и танки шли ромбом, кромсая гусеницами горячий снег, и гангстер палил из двух пистолетов по дверям банка.

– Это лишь некоторые эпизоды игр, поставленных нашим экстрим-агентством. Как видите, у наших клиентов богатая фантазия. Кто-то пожелал стать генералом и командовать танковой армией, кто-то – гангстером и ограбить банк... Вы вот возжелали стать монгольским ханом. Кстати, очень, очень интересная роль. Мужчины, которые испытали ее на себе, были просто в отпаде.

«Конечно, это естественное желание, – успокаивая себя, подумал Юдин. – Не я один такой. И нечего этого стыдиться. Все мы где-то в душе немножко доминанты, самцы и деспоты. Это заложено в нас природой. Силой разума мы сдерживаемся, ведем себя цивилизованно, а во время игры расслабляемся и становимся теми, кто мы на самом деле».

– Мне главное, чтобы нервы пощекотало и чтоб вот здесь продрало как следует, – признался Юдин и постучал себя кулаком по груди.

– Это я вам гарантирую, – без тени сомнения ответила Гертруда Армаисовна и положила перед собой чистый бланк договора.

Все складывалось очень удачно. Мила улетала в Анталию завтра утром, и Юдин после ее отлета мог спокойно скакать со своим войском по деревне, жечь, грабить и... и чинить прочие ханские безобразия.

– Что тебе сказали в экстрим-агентстве? – спросила она, примеряя у зеркала белую футболку с лиловым цветком на груди.

Юдин скорчил гримасу, словно выпил хлористого кальция.

– Так... – уклончиво ответил он. – Чепуха какая-то.

– Может, мне отказаться от Анталы и поехать с тобой на какой-нибудь экстрим?

Тут надо было сыграть тонко. Юдин сделал вид, что обдумывает это предложение. Стал вспоминать, что Мила ненавидит более всего. Во-первых, отсутствие души. Затем – жесткую постель. И еще холод. И, конечно, сырость.

– Давай, – ответил он, ничуть не сомневаясь, что жена откажется. – Меня ребята давно приглашают в байдарочный поход по Таймыру. Романтика! Палатки, костер, тундра, песни под гитару. Правда, погода там неважная, комары, сырость. Да и снег может пойти в любую минуту.

– А мы купим непромокаемую палатку и пуховые спальные мешки, – вдруг проявила небывалый аскетизм Мила. – Мне давно хотелось побывать с тобой на краю света! – И она легкомысленно пропела: – «Держись, геолог, крепись, геолог! Ты ветру и снегу брат!»

Юдин незаметно сконфузился. Развивать тему Таймыра становилось опасно. Кто знает, какие бредовые идеи поселились в черепной коробке этой дуры? Мила глядела на мужа насмешливо и выжидающе, словно хотела сказать: что, дружочек, струсил? Ответ был за Юдиным. Он чувствовал, что, если сыграет ва-банк и согласится поехать с ней на Таймыр, – она поедет.

– Тебе нельзя ночевать в палатке, – сказал он, дуря от собственной жестокости. – Застудишь яичники и тогда вообще будешь безнадежной, как старая смоковница.

Он напомнил ей о ее беде, о нематеринстве, неполноценной женскости. Мила продолжала улыбаться, но уже не так. Теперь ее улыбка больше напоминала гримасу обиженного, готового заплакать ребенка.

Он не стал провожать ее, и Мила поехала в аэропорт на автобусе от «Речного вокзала». Чтобы исключить какие-либо неприятные недоразумения, ближе к полудню Юдин позвонил в справочную и выяснил, вылетел ли самолет в Анталью. Ему подтвердили, что не только вылетел, но уже благополучно приземлился. Тогда Юдин позвонил жене на мобильный. От вчерашнего разговора у него остался неприятный осадок в душе, и ему хотелось сказать Миле что-то ласковое и приятное. Она ответила. Фоном за ее словами стоял акустический гул и путаная многоязычная речь.

– Как ты долетел, лапусик? – притворно сюсюкая, спросил Юдин.

– Замечательно! Только здесь очень жарко. Я на рецепшене, сейчас оформлюсь и сразу пойду на пляж. Так хочется поваляться на песочке! А почему у тебя голос такой напряженный?

– С чего ты взяла? Нормальный у меня голос.

– Нет! Я же чувствую! Какой-то напряженный голос, будто ты собираешься сделать что-то плохое.

– Тебе показалось, лапусик, – начал заверять ее Юдин, чувствуя, что у него в самом деле изменился голос.

Размалывая кофе в золотой мельнице, которую отобрал у ростовского должника, Юдин пытался представить, как бы отреагировала жена, если бы узнала, что он готовится с увлечением сыграть роль насильника. Лицо жены и произносимые ею слова в воображении Юдина почему-то получились размазанными и неопределенными. Зато чувство стыда, которое он испытал, было на удивление сильным и хорошо выраженным. Такого стыда не возникло даже в тот момент, когда жена узнала про массажный салон. «Массаж, конечно, это совсем другое, – вынужден был признать Юдин. – А интерес к насилию папахивает маньячеством...»

Кофе убежал, и Юдину пришлось дожидаться, когда плита остынет, чтобы ее можно было отмыть. Теперь ему не давала покоя мысль, все ли он сделал для того, чтобы жена никогда не узнала про игру в монгольского хана. В договоре с агентством Юдин указал вымышленную фамилию. Сейчас он даже не мог припомнить, какую именно. То ли Брянчанинов, то ли Брянсков, то ли Брянчев. Домашний адрес тоже извратил до неузнаваемости, лишь указал площадку

у продуктового магазина, где его должна будет ждать машина. Гертруда Армаисовна ничего не перепроверяла, ей было наплевать, где живет и как себя именуется клиент. Ей были нужны только деньги.

«Откуда еще может всплыть ханство?» – терзался вопросом Юдин. Он вдруг вспомнил про рекламный буклет, на последней странице которого очертил телефон и координаты экстрим-агентства. Вдруг Миле взбредет в голову нагрянуть туда после возвращения из Анталыи и поинтересоваться, какой услугой воспользовался ее муж? Маловероятно, и все же такую возможность надо было исключить полностью.

Юдин принялся искать буклет. Еще вчера он лежал на журнальном столике, но перед отъездом Мила наводила в гостиной порядок и наверняка убрала его куда-то. Юдин заглянул в узкий шкафчик под большим, на полстены, телевизором, где обычно лежали старые журналы с программой ТВ. Буклета там не было. Юдин посмотрел в спальне – Мила любила перед сном почитать всякую периодическую лабуду. И там буклета не оказалось. Можно было бы махнуть на него рукой – нет так нет. Но Юдин почувствовал скрытую опасность и проявил упрямство. Он начал методично обыскивать всю квартиру. Опустившись на четвереньки, заглянул под шкафы, диваны и кресла. Детально исследовал кухню, оба санузла, столовую и кладовую. Пропал буклет, словно его никогда и не было!

Юдин пошел на принцип. Он почувствовал, как в нем разбухает злость. Так с ним всегда бывало, если у него что-то не получалось. Но добивался своего Юдин не сдержанным упорством и целеустремленностью, а гневом и злостью. Он перевернул несколько тумбочек, вывалил содержимое комода в спальне и, путаясь в разно-цветной пряже (когда Мила не работала, то выпросила у Юдина вязальную машину и пыталась научиться вязать кофточки и джемпера), пнул ногой женину подушку. Вот ведь какая дура! Кто просил ее трогать буклет? Куда она его подевала?

Отыскивая глазами объект, на который можно было бы выплеснуть злость, Юдин вернулся на кухню и вдруг догадался проверить мусорное ведро. Черный пакет уже был заполнен почти до краев, и Юдин, борясь с брезгливостью, сунул в него руки. Он перебирал картофельные очистки, скользкие пивные бутылки, луковичную шелуху, отвратительные жилисто-мясные обрезки и наконец нащупал что-то похожее на буклет. Выудил его из пакета, отряхнул от налипших на него апельсиновых шкурок и уже хотел было оторвать последнюю страницу, как с удивлением обнаружил, что это уже сделано до него. Он поднес буклет к окну. Странно! Последняя страница, на которой он нашел адрес и телефон экстрим-агентства, была не просто вырвана. Она была аккуратно отрезана, причем так, что линия отреза проходила по корешку буклета.

Разумеется, это сделала Мила, так как больше было некому в их немногочисленной семье. Но зачем? И для чего такая ювелирная аккуратность? Резала наверняка лезвием для бумаги и по линейке, по-другому так ровно не отрежешь. Значит, она страничку с координатами агентства вырезала, а буклет выкинула...

Юдин пребывал в недоумении. На Милу, практикующую в быту порывистые жесты и движения, это не было похоже. Она бы просто рванула страницу из буклета, выдирая ее как придется. А тут прямо-таки тонкая, генетическая работа.

Он отправил буклет в мусорный пакет и стал старательно намыливать руки. Вода с урчанием затаскивала пену в мрачные коридоры и пещеры сливных шлангов и канализационных труб. Юдин смотрел на себя в зеркало. А в нем, как ни странно, есть едва заметные монголоидные черты. Кто знает, может, когда-то давно монгольский воин завалил в траву его прапрапрабабушку... И побежала узкоглазая хромосома по генеалогическому древу. Вот потому и прет из него доминанта, тянет на насилие, на подавление, на унижение. И нечего тут стыдиться. Это качество воина, солдата, бойца. А Юдин – боец! В ресторане у него кусок в горло не ползет, если он не построит перед собой всех официантов и поварской состав. Как в армии:

ну-ка носочки подровняли! Ближе, ближе, к ноге! С какой стороны вас учили меню подавать и водку наливать? Ась? А когда можно тарелку уносить? Не слышу, громче! Как должны лежать на ней приборы, ась? А я ведь тот кусок мяса не доел, а очень хотел это сделать. Только не надо кидаться в посудомоечную и выковыривать из бака с отходами этот кусок. Новый несите! И бегом, пока у меня чувство сытости не появилось, а то всю кайфушку испортите!

Вот так надо с людьми разговаривать. Тогда уважать будут. И к жене это правило относится в первую очередь. Жена должна трепетать перед мужем. Зря, что ли, он ее содержит?

3

Эти мысли возбудили в нем голод, и Юдин пошел в кафе «Катакомбы». Там он выпил две кружки пива. Строить официантов не было желания, хотя в бокал напустили слишком много пены, и она пузырячатой слюной сползла на скатерть. Когда он воткнул вилку в отбивную на косточке, позвонила сотрудница экстрим-агентства. Декорации почти готовы. Актеры готовятся к своим ролям. Завтра утром за Юдиным заедет микроавтобус. Полтора часа езды. Синоптики обещают хорошую погоду.

Теперь Юдин не мог думать ни о чем другом, кроме как о завтрашней игре. Ему не терпелось примерить костюм хана. Жаль, он отказался от видеосъемки. Испугался лишнего компромата... Хм, компромат. Слово-то какое страшное! Он представил, что случится, если Мила увидит фильм, где он насилует девушек. Она будет в шоке. Ну и что? Месяц не будет с ним разговаривать. Ну и что? Будет плакать. Ну и что? Слезы – не чернила, высохнут бесследно. Собственно, ничего страшного не произойдет. Подумаешь, пострадает немного. Но никакой катастрофы не будет! Никакой! Брат не выгонит его с работы, не отберет квартиру, машину, дачу, деньги. Значит, ничего не случится. А жена – она дура. Ее легко можно будет убедить в том, что это всего лишь кино, игра. Вынуждены же актеры кино сниматься в постельных сценах! И все относятся к этому с пониманием.

– Вам понравилось? – спросила официантка, принимая деньги.

– Нет, – ответил Юдин. – Словно говна наелся.

Что за вопрос? Кто разрешил этой распаренной варочными парами девице задавать ему, Юдину, монгольскому хану, такие вопросы? Он вышел на улицу. Позвонить в агентство и заказать видеосъемку?

Он все же решил не торопиться и посмотреть, что из всей этой затеи выйдет. Может, получится такая параша, что ее не то что на пленку писать нельзя будет, но даже вспоминать о ней будет стыдно. И в массажный салон он не поехал, хотя воля кружила ему голову и высвобождала из застенков разума самые разнузданные желания. Сегодня он будет вести себя целомудренно. Это будет дань семейной жизни.

Занять долгий, по-летнему медленно угасающий вечер было нечем, и Юдин рано лег спать, плотно зашторив окно. Уснуть ему сразу не удалось. Он долго ворочался, душу его наполняли смутные тревожные чувства. Он даже немного робел от надвигающейся миссии. Где-то сейчас шла работа, под него моделировался кусочек истории, и Юдин готовился примерить эту модель на себя, потрогать, пригубить ту жутко безграничную власть, коей когда-то упивались сильные мира сего.

Снилась ему мешанина из звуков, отрывочных видений и тягучих ощущений. Встал он рано, под шелест метелок дворников. Тщательно выбрился новым лезвием. Сделал укладку феном, сбрызнул прическу лачком. Ему представлялось, что он готовится к инаугурации. От волнения немного дрожали жилки. Юдин надел новые трусы и носки, сунул в микроволновку парочку замороженных котлет по-киевски. Ожидая, когда запищит таймер, позвонил Миле.

– Я нежусь на солнышке, – томным голосом сказала Мила. – А я позавтракаю и поеду на таможню. Надо товар оформлять, – привычно солгал Юдин.

– У тебя же отпуск.

– Витя попросил. Я не мог ему отказать.

– Не грусти, миленький. Хочешь, я позвоню тебе днем?

– Конечно, динозаврик мой, конечно, звони! Но, скорее всего, телефон будет недоступен.

На складах всегда плохо берет.

– Я очень постараюсь... Знаешь, я уже скучаю по тебе. Ты мне приснился сегодня... Но рассказывать не буду, плохой сон... А ты в экстрим-агентство больше не звонил?

– Нет, – сразу же ответил Юдин и чуть было не спросил, куда подевалась последняя страница буклета. Вовремя прикусил язык. Задай он этот вопрос, Мила обязательно спросит, почему он интересуется агентством.

Микроавтобус приехал на полчаса позже. Непропорциональная Гертруда Армаисовна запальчиво извинялась перед ним и при этом сильно моргала. Юдин сел рядом с водителем на двух сиденьях сразу. Теперь Гертруде Армаисовне приходилось вытягивать шею, чтобы заглянуть ему в глаза. А он отвечал на ее вопросы немногословно, не поворачивая головы... Ах, как ему повезло! Деревушка, которую предстоит сжечь монгольскому хану, состоит из семи настоящих, а не бутафорских домов! В деревушке, конечно, уже лет двадцать никто не живет, но домики сохранились неплохо, и гореть будут, как бенгальские огни. «Местные жительницы» все как на подбор, самой старшей двадцати пяти не будет; все свеженькие, сочненькие, росой умытые, цветами увитые.

Все же, несмотря на ударную рекламу, Юдин не мог избавиться от назойливой мысли, что готовится какой-то подвох, что не будет никакой игры, а произойдет нечто неожиданное, гадкое; что его, Юдина, используют для какой-то гнусной цели, может, попытаются ограбить (он нарочно не взял с собой ни копейки), может, убьют и сожрут. Но это скорее было не предчувствие, а сама фантазия Юдина. Он придумывал всякие страшилки, нагоняя туману таинственности на потрепанный салон микроавтобуса, который наверняка вволю потрудился в качестве маршрутного такси, на молчаливого водителя в серой кепке, из-под которой выбивались дымчатые и пышные, как у Пушкина, бакенбарды, и на унылый однообразный пейзаж, открывающийся из окон машины.

Вскоре микроавтобус свернул с шоссе и затрясся по грунтовке. Юдин понял, что до сладкого мгновения властного восхождения осталось совсем чуть-чуть. По разбитому деревянному мосту переехали загаженную речку и остановились на поляне, поросшей лохматой травой. Гертруда Армаисовна шепотом объявила, что они погрузились в далекое прошлое нашей страны, но Юдину помешала абстрагироваться матово отсвечивающая в кустах крыша грузового автомобиля.

А в остальном все было очень правдоподобно, особенно когда Гертруда Армаисовна вместе с водителем облачили Юдина в пахнущий нафталином стеганный халат, подпоясали его кушаком да натянули на его ноги высокие, как ботфорты, кожаные сапоги. Потом Гертруда Армаисовна с водителем незаметно исчезли, и Юдин пошел к черным, просевшим от ветхости хатам. На трухлявых бревнах посреди заросшей травой улицы сидела группа ряженых. Увидев Юдина, они вскочили, дружно затоптали окурки, повалились на колени и, путаясь в потертых полах своих халатов, стали тюкаться бритыми головами о землю. Юдин мысленно отметил, что мужчины здорово смахивают на туркменов, которые часто восседают на заплыванном асфальте у Казанского вокзала с протянутой рукой. Но в общем исторический реализм поддерживался неплохо. «Воины» очень правдоподобно раболепствовали и одновременно лобызали его сапоги. Юдину это нравилось, он великодушно подставлял носок сапога мокрым губам и поглядывал на деревню, притихшую в ожидании нашествия.

Самый старый из «воинов» – с коричневым и сморщенным, как у мартышки, лицом – с олимпийским трепетом поднес Юдину горящий факел, и Юдин, приняв его, повел свое войско творить ханские безобразия. «Воины» предусмотрительно отстали, как бы желая показать, что не претендуют на трофеи своего владыки, но дружно закричали, засвистели, заулюлюкали. И под это звуковое сопровождение Юдин поднес пламя к почерневшей, провалившейся на седловине крыше первой хаты. Гертруда Армаисовна явно преувеличила, когда пообещала, что крыши будут гореть, как бенгальские огни. Отсыревшая и замшелая солома не хотела вспыхивать, как бы старательно Юдин ни тыкал в нее факелом. Неминуемо случилось бы искажение исторической действительности, если бы откуда-то из-за кустов не выпорхнул водитель микроавтобуса с канистрой в руках. Словно черный ангел, поспешивший хану на помощь, он

торопливо плеснул бензин на соломенную крышу и тотчас исчез. Пламя принялось радостно пожирать сдобренную огнетворным соусом кровлю.

И как по команде из всех хатенок с воплями и плачем стали выбегать «местные жители». Обещанных седобородых старцев среди них не было. Мужскую часть селян составляли мало-симпатичные личности с бомжевато-синими лицами, подпухшими глазами и взъерошенными волосами. Видимо, хан наткнулся на богом проклятую деревню, поголовно пораженную порочной тягой к алкоголю. Но самое интересное заключалось в том, что все мужики как один были в армейских нательных рубахах и кальсонах. Многие из них, виртуозно передавая грешную особенность деревни, едва передвигали ноги; их качало из стороны в сторону, словно часовой маятник; другие, надувая сизые, покрытые капиллярной сеткой щеки, трясли кулаками, рвали на груди рубахи и хрипло кричали что-то невнятное про фашистскую сволочь; третьи, самые сообразительные, догадались, что коварный хан не пощадит ни одну хату, и предусмотрительно прихватили полезную для бомжевания утварь: кто ржавую раскладушку, кто деревянное корыто для поросенка, кто мутную бутылку с неизвестным содержимым.

Впрочем, эти генетические родники популярного в народе порока не вызвали большого интереса у Юдина. Поджигая очередную хату, он плотоядно смотрел на самый лакомый кусок трофея: на босоногих девок с распущенными волосами, которые в меру своего таланта изображали истерику по поводу предстоящей коллективной потери девственности. И хотя ярко выраженный молдавско-украинский менталитет девиц вызывал у Юдина незначительное историческое недоумение, он готовился захватить и сделать своими наложницами всех без исключения.

Пока хан продолжал поджигать дома, несколько девиц, плохо усвоивших замысел сценариста, уж слишком ретиво спасали свою невинность и, демонстрируя завидные спринтерские качества, быстро добрались до темнеющего на взгорке леса. Правда, там они одумались, вернулись обратно и, подхватив подола рубах, изобраили дубль два. Остальные, наученные их примером, заметно сбавили темп и, продолжая голосить и стенать, перешли на кольцевую орбиту, хороводя вокруг Юдина и постепенно сжимая радиус безгрешной чистоты. Сизолицые основоположники питейной традиции, трусливо оставив своих дев на надругательство хану, скучковались под дальним кустом, где их, по-видимому, ждали бутылки с гонораром, и там, утолив жажду, затеяли вялую драку, которая закончилась всеобщим сном вповалку.

Юдин не без помощи черного ангела поджег последнюю хату, закинул факел в пылающий оконный проем, полюбовался на малиновые языки пламени и саранчовые стаи искр, поправил на поясе кушак и медленной поступью двинулся на девиц. Те, заверещав с новой силой, кинулись врассыпную. В образовавшейся сутолоке многие девицы упали на землю и, предпочитая умереть, чем быть обесчещенными монгольским ханом, стали биться как в эпилептическом припадке, загребая песок накладными ногтями. Те же, кто устоял на ногах, стали бережно рвать на себе волосы и заламывать руки.

Губастая дева с тяжелыми коровьими глазами вдруг вцепилась в рукав Юдина и, пытаясь свалить его с ног так, чтобы оказаться под ним, запальчиво выдала:

– Не прикасайся ко мне, мерзкий чужеземец!

Тут на Юдина накинута еще несколько девиц и выдали те же требования. Остальные продолжали хороводить, поглядывая на Юдина гордо и целомудренно, но при этом выполняя вульгарные движения ягодицами, словно полировали ими витринное стекло.

Юдин воровато оглянулся. Место для масштабного надругательства над невинными девами было не самым удобным, но он уже втянулся в игру, увлекся ею настолько, что уже трудно было изменить стремительное развитие ключевой сцены. Издавая воинственные возгласы, Юдин принялся за свое черное дело, и девы одновременно стали сопротивляться ему, да так активно и умело, что в течение получаса по-цыгански ловко выуживали из него его мужское состояние и опустошили его начисто под несмолкаемый треск и вой беснующегося пламени.

Юдин был очень доволен, а концовка игры умаслила его душу как никогда. Обесчещенные им жительницы деревни под звонкое «раз! два! три!» вдруг подняли его на руки и понесли на поляну, где «воины» уже заканчивали сколачивать длинный стол со скамьями, и пока несли, Юдин делил в уме 120 (его вес) на 11 (число обесчещенных им дев). Выходило, что каждой деве перепало около 11 килограммов убаженного юдинского тела.

Из травяных зарослей материализовались Гертруда Армаисовна и водитель и в четыре руки принялись сервировать стол. «Воины», как и мужская половина жителей деревни, не были допущены к победной трапезе. Вооружившись огнетушителями, они ушли бороться с огнем. За стол сели представитель агентства, водитель и все без исключения девы. Молодая путанья поросль хихикающим букетом облепила Юдина, со всех сторон подливая в его пластиковый стаканчик водки. Юдин балагурил, смеялся, пил, сожалел, что все так быстро закончилось, и вскоре опьянел до такой степени, что почувствовал себя до слез счастливым. Под одобряющий возглас дев он взгромоздился на стол и потребовал, чтобы его кормили с рук. Ему принялись запихивать в рот ломтики багряного балыка, пучки корейских солений, дрожащие кусочки запеченной свинины, истекающую маслом селедочку и не всегда попадали в рот, и Юдин игриво сердился, плевался во все стороны, что приводило дев в полный восторг. И когда победителю стали заливать в рот с высоты человеческого роста красное вино, представитель агентства торжественно объявила, что фирма приняла решение подарить Юдину вторую игру бесплатно.

Отвернув лицо от винной струи, Юдин честно признался, что для повторной игры ему требуется неделя на восстановление.

– А мы предложим вам другой сценарий! – пообещала раскрасневшаяся от водки Гертруда Армаисовна.

Юдин снова подставил рот под струю и, захлебываясь вином, стал горячо благодарить экстрим-агентство за щедрость и вдумчивую работу с клиентами.

В микроавтобус его занесли девы. Гертруда Армаисовна бережно накрыла Юдина стеганным халатом и дорогой стала рассказывать ему об игре в гангстеров, изобилующей необыкновенно острыми ощущениями и позволяющей игроку почти безгранично импровизировать.

– Я готов!! – кричал Юдин, порываясь вскочить с сиденья и на ходу раскрыть дверь микроавтобуса. – Начинаем сейчас!! А где бабцы?! Телки где?!

Гертруда Армаисовна едва удерживала его, вцепившись бульдожьей хваткой в его брючный ремень. Потом Юдина страшно тошнило, и его голова безжизненно раскачивалась между сиденьями, как у охлажденного рыночного цыпленка.

4

– Ох, динозавр, как ты не вовремя! – простонал он в трубку телефона, проснувшись утром в своей постели, но одетым.

Открыть глаза, как и разговаривать с женой, не было сил, и он лишь невпопад мычал, меняя тембр мычания в зависимости от того, насколько близко подступала к горлу тошнота. А Мила без пауз между словами и предложениями струила в него пестрой и жизнерадостной информацией о том, что сегодня она едет на экскурсию в древний храм, что ей не нравится голос Юдина, что на побережье стоит невыносимая жара и что на рынке она присмотрела Юдину белую футболку с большим розовым котом на груди.

– С каким еще котом? – вымученно произнес Юдин.

Ему казалось, что он стоит у ротационного печатного станка и на него со страшной скоростью несется конвейерная лента со сфальцованными свежими газетами, но только все газеты разные, и в них многословно и путано говорится об экскурсиях в древние храмы, о страшной жаре, о розовых котах и прочей галиматье, и Юдин вынужден поглощать эту информацию, и вот его черепная коробка начала разбухать, словно шарик, в который накачивают летучий газ, и давление стремительно растет, и еще мгновение – и башка лопнет и слизистые ошметки розовых котов обрызгают стены...

Едва он закончил разговор с Милой, проявившей под конец беспокойство по поводу самочувствия Юдина, как позвонила сотрудница экстрим-агентства.

– Уверена, что вы пребываете в прекрасном настроении, – с кладбищенским оптимизмом произнесла она, и Юдин не понял, искренне заблуждается Гертруда Армаисовна или же попросту гнусно издевается над ним. – Наши агенты заканчивают подготовку к игре. Стартуем в шесть часов вечера на Нижней Повидловке.

– Куда стартуем? – выворачиваясь от ужаса наизнанку, спросил Юдин.

– Как куда? – весело переспросила Гертруда Армаисовна, не поддаваясь на розыгрыш шаловливого и остроумного клиента. – Сегодня вы – Аль Капоне и будете грабить банк. Мы же вчера договорились!

– А у вас нет какой-нибудь другой роли? – облизнув пересохшие губы, спросил Юдин и просунул телефонную трубку между ухом и подушкой, зажав ее словно ломтик сыра в гамбургере. – К примеру, роли трупа в морге? Или Ильи Муромца в его первой половине жизни?

Гертруда Армаисовна заливисто рассмеялась:

– Вы такой остроумный! Обожаю остроумных мужчинок! Какой размер одежды вы носите?.. Нет-нет, это нужно вовсе не в ритуальную службу для изготовления гроба. Мы готовим вам гангстерский костюм – черный смокинг, широкополую шляпу и непроницаемые очки. Из пистолета когда-нибудь стреляли?.. Что? Только из реактивной установки в армии? Ха-ха-ха, какой вы весельчак!

«Это невозможно! – подумал Юдин, заталкивая трубку под подушку. – Я умру, но не встану!»

Но он все-таки встал, точнее, свалился с кровати и добрался до душевой кабины на четвереньках. Забрался в нее, закрыл полусферическую дверь, похожую на фонарь реактивного самолета, и запустил тугую и острую струю. Горячие водяные струи секли его, словно розгами, со всех сторон, и Юдин вскоре почувствовал, что к нему возвращается жизнь.

«Я – Аль Капоне, – думал он, жадно припав к банке с огуречным рассолом, который Мила всегда держала в холодильнике. – Убиться веником! И что я должен буду делать? Грабить банк? Нет, это выше моих сил. Я уже наигрался. С меня хватит монгольского хана...»

Последующие несколько часов Юдин провел в полной обездвиженности, и его измученный монгольской властью организм мучительно тяжело избавлялся от токсинов. Из глубокого забытья его снова вывела сотрудница экстрим-агентства.

– Через час за вами заедет машина, – обрадовала она. – Вы, надеюсь, уже готовы? Как огурчик? Вас ждут незабываемые ощущения. От этой игры все наши клиенты были в полном отпаде!

Юдин подумал, что еще одного полного отпада ему не вынести, и снова забрался в постель. «Никуда я не поеду, – подумал он. – Это будет насмешкой над исторической правдой. Аль Капоне не грабил банки с тяжелого бодуна!»

Забыться снова не дала жена. Как же надоела ему эта пустая баба, которая никогда не понимала позывов его души, всей глубины его духовных переживаний! Она в восторге от каких-то нор, выдолбленных в скале! А он, Юдин, вчера с успехом смоделировал властителя! Он был таким же, какой была яркая, могучая личность, оставившая неизгладимый рубец в истории человечества. Никогда, никогда ей этого не понять!

– Я тебя не узнаю, – предьявляла какие-то необоснованные претензии Мила. – Где твой волевой голос? А боевое настроение? А извергающийся оптимизм? Ты не заболел, миленький? Может, мне срочно вернуться? Мне кажется, ты без меня чахнешь...

– Я не чахну, – печальным голосом ответил Юдин. – Я расцветаю. Но процесс возрождения мучителен, как всякая метаморфоза.

– Нет-нет, не убеждай меня! – стояла на своем Мила. – Ты всегда черпал свои силы во мне. Ты, как Ахиллес, становишься беспомощным и слабым, если тебя оторвать от меня.

Динозавр начал самоутверждаться. Юдин представил растекшиеся по шезлонгу телеса и даже немного пожалел о том, что Мила не видела, как он вчера чахнул без нее. Он, жестокий и беспощадный завоеватель, наводивший трепет на русские селения, подчинивший своей воле тысячи судеб, представлялся глупой бабе жалким и беспомощным существом. Неужели слабый голос дает основания думать о Юдине как о слабом человеке?

Дабы развеять эту несуразицу, Юдин вскочил с постели, забежал в ванную и посмотрел на себя в зеркало. На Аль Капоне он, конечно, не похож. Да и на монгольского хана тоже. Скорее на резинового поросенка, чрезмерно надутого через анальное отверстие. Но это поправимо. Это временная деформация лица, вызванная погружением в мир власти... Юдин пустил струю холодной воды и принялся ожесточенно тереть лицо, будто намеревался смыть с себя позорную маску слабости и безволия. Да как Мила посмела умалить Юдина! У нее мозги расплавились от жары! Она насмотрелась на мускулистых серфингистов и забыла, что ее муж – сгусток энергии и воли, что он – личность, супермен, машина, способная дефлорировать историю не хуже, чем это делали мировые знаменитости! И сегодня он продемонстрирует это еще раз!

– Нас разъединили, – сказала Мила, позвонив снова, когда Юдин уже яростно сбирал с лица щетину.

– Нет, – рыкнул Юдин, размазывая по телефонной трубке пену. – Это я отключился.

– А почему? Ты не хочешь со мной разговаривать?.. Знаешь, о чем я подумала? Тебе надо сходить в библиотеку, в читальный зал. Посиди в тиши, полистай старые журналы. Это благотворно влияет на нервную систему. Или съезди на Птичий рынок, посмотри на щенков и котят...

– Нет, я поеду грабить банк!

– Куда?!

– Не звони мне больше, а то ты спугнешь мои жертвы!

В библиотеку сходить! Это надо же, как изощренно издевается над ним набитая опилками дура! В библиотеку! Еще бы посоветовала поиграть в шахматы с пенсионерами во дворе!

Юдин едва успел откусить от куска холодной буженины, как позвонила сотрудница агентства.

– Мы подвезли вам смокинг! – со строгим холодком в голосе объявила она. – А вы еще не готовы? Как же так! Актеры ждут, статисты, пиротехники... Сейчас я к вам зайду!

Не успел Юдин положить трубку, как раздался звонок в дверь. Можно было подумать, что Гертруда Армаисовна все это время торчала под его дверями. Черный платок, туго повязанный на ее голове, выпячивал и без того крупный нос. Слегка подкрашенные брови были строго сведены к переносице.

– Нельзя опаздывать на такие мероприятия! – пожурила Гертруда Армаисовна, погрозив Юдину пальцем, и кинула взгляд на часы.

«Откуда она узнала номер моей квартиры?» – подумал Юдин, торопливо застегивая «молнию» на джинсах.

– Надевайте! – распорядилась Гертруда Армаисовна, протягивая Юдину пакет.

Смокинг оказался несколько тесноват в талии, тем не менее Юдин понравился себе. Он крутился перед зеркалом, сдвигая черную шляпу то на один бок, то на другой. А когда нацепил очки, то понял, что он крутой чувак.

Гертруда Армаисовна беззвучно выглянула из-за его спины.

– А это, – произнесла она со значением, – настоящие гангстеры носят за поясом брюк.

Юдин обернулся. Гертруда Армаисовна держала на развернутой ладони пистолет.

– Как настоящий! – оценил Юдин, с интересом рассматривая оружие.

– При нажатии на курок он выдает высокочастотный сигнал, который фиксируется специальным датчиком в петлице актера, – торопливо поясняла Гертруда Армаисовна, помогая затолкнуть пистолет под тугую ремень Юдина. – На жилете актера взрывается пиропатрон и расплескиваются красные чернила. Так появляется иллюзия попадания пули в тело человека.

– Как в кино, – подсказал Юдин.

– Совершенно верно... Нет-нет, сейчас нажимать на курок совершенно необязательно, тем более что ствол устремлен вам в тусы... – Она отступила на шаг, полюбовалась Юдиным и, не скрывая восхищения, компетентно оценила: – Вылитый Аль Капоне!

Юдин замечтался, уважительно глядя на себя в зеркало. Вот бы Мила увидела его сейчас! «Ты становишься беспомощным и слабым...» Почему в жизни все получается шиворот-навыворот? Почему, когда не надо, Мила тут как тут? Почему Мила неожиданно зашла в комнату Юдина, когда тот прятал деньги в принтере? Почему вдруг раньше времени вернулась из парикмахерской, когда он по телефону договаривался с Ирккой-секретаршей о совместном посещении сауны? Почему отменили рейс в Волгоград, которым Мила должна была лететь к сестре, но вернулась из аэропорта домой, где Юдин под музыку Вивальди гонял вокруг стола трех голых проституток? И почему Мила не появится в квартире сейчас, не увидит Юдина в смокинге, в черной шляпе и с пистолетом за поясом – того самого Ахиллеса, беззащитного и слабого?

– Ну? Где ваш банк? Ведите! – повелительно приказал Юдин, сдвинув поля шляпы на лоб, и выхватил пистолет из-за пояса. Получилось очень впечатляюще. Юдин стремительно входил в роль. Сам пистолет подсказывал, как надо себя вести, и Юдин, размахивая оружием как дирижерской палочкой, хрипло выкрикнул: – Всем на пол! Головы не поднимать! Пристрелю, как собаку, если кто шелохнется! Деньги в мешок! Живо!

– Вы непревзойденный актер! – восхитилась Гертруда Армаисовна, но при этом она почему-то смотрела на Юдина как на крысу, копающуюся в помоях.

Опасаясь, что клиент попусту и преждевременно растратит свое уникальное дарование, Гертруда Армаисовна путеводной мышкой побежала вниз по лестнице, увлекая за собой Юдина. Хмель – уже протухший, тяжелый, гнилостный – еще не выветрился из его головы, но его присутствие помогало Юдину раскрепоститься и еще больше повысить самооценку. Водителя он узнал по бакенбардам и, постучав стволом пистолета по его затылку, распорядился ехать, причем это было сделано не в самой вежливой форме: «Трогай, скотина!»

Водитель с пониманием отнесся к особенностям новой роли клиента и тотчас исполнил приказ. Гертруда Армаисовна, придвинувшись к Юдину претенциозно близко, стала нашептывать об особенностях игры. Если роль монгольского хана можно отнести к категории зрелищного стимулятора, то новая игра, бесспорно, относится к сложной стратегии, открывающей игроку обширное пространство для импровизации. Никто не будет объяснять Юдину, что, когда и в какой последовательности он должен делать. Перед ним стоит задача: изъять всю наличку у банковских клерков, сидящих за стеклянной перегородкой, и отнести ее в определенное место. Хоть деньги – муляжные, кровь – чернильная, а клерки – лицедейные, игра обещает быть напряженной, развивающейся по непредсказуемому сценарию. Юдин должен иметь в виду, что в банк могут зайти самые настоящие посетители, и это, бесспорно, придаст игре неповторимую пикантность, но что самое заманчивое: победа не достанется Юдину так просто, как она досталась монгольскому хану, ибо банковские клерки образуют своеобразную команду, которая будет усиленно противостоять Юдину, следовательно, на Нижней Повидловке разыграется настоящее единоборство, наполненное подлинным драматизмом и изящной отточенностью динамики...

– Да хватит меня учить! – вдруг оборвал Гертруду Армаисовну Юдин, вращая пистолет на пальце. – Разберемся без сопливых. Не в первый раз!

Он сам не понял, что имел в виду, упомянув про не первый раз. Скорее всего, Юдин оговорился, но исправлять ошибку не стал, а еще больше усугубил ее, взглянув на Гертруду Армаисовну через прорезь в прицельной планке пистолета. Гертруда Армаисовна пыталась захихикать, но черный платок так сильно стягивал ее грушевидные щеки, что губы не могли растянуться, и оттого получился прерывистый звук: «О! О! О!»

– Вот тебе и «о», – с недобрый предупреждением произнес Юдин, дунул в ствол пистолета и положил ноги на спинку водительского сиденья. Водитель был польщен знаком внимания со стороны великого гангстера, но при этом почему-то как-то странно шевелил носом.

– Поляну где будете накрывать? В банке? – спросил Юдин, чувствуя, что жизнь окончательно вернулась к нему и мысли о водке и закуске снова отзываются в его рту обильной сыростью, а живот при этом сладко мурлычет.

– В банке после игры будет много мусора, – справедливо заметила Гертруда Армаисовна, правильно оценив бойцовские качества клиента. – И потому мы заказали столик в грузинском ресторане. Вы любите грузинскую кухню?

– Шашлык-машлык? – с легким пренебрежением уточнил Юдин, но ответа не дождался, потому как машина неожиданно свернула в темную подворотню. Узкий проход между ржавых кирпичных стен был заставлен рядами мусорных баков, похожих на маленькие железнодорожные составы. Можно было подумать, что они приехали на вокзал грязенького провинциального городишки.

– А где банк? – удивился Юдин.

– Рядом с банком запрещена остановка, – ответил водитель. – Там недавно поставили знак. Боятся настоящих ограблений.

– Вам лучше пройти один квартал пешком, – добавила Гертруда Армаисовна. – Если мы подвезем вас на машине, то вы здорово облегчите задачу команде клерков. Пока мы припаркуемся, пока вы выйдете – клерки успеют запереться изнутри, и тогда вам придется искать другие пути. Или разбирать крышу, или влезать в воздуховод. Одному нашему клиенту пришлось пробираться в банк по канализационной трубе.

– От него так пахло, – вставил водитель, – что клерки сразу признали свое поражение и отдали ему деньги без каких бы то ни было условий.

– Этот путь не для меня, – с невиданным самоуважением заявил Юдин.

– Конечно! – неправильно поняла его Гертруда Армаисовна. – Диаметр канализационных труб всего полметра... Алло! – пронзительно заговорила она в трубку мобильного теле-

фона. – Марсель Гамлетович! У вас все готово? Да, клиент уже на старте... Серьезный соперник, должна вам сказать, так что будьте осторожны! Через минуту я его выпускаю!

– Вы обо мне говорите как о тигре, который сидит в клетке, – понарошку обиделся Юдин, хотя на самом деле ему очень понравилось, как Гертруда Армаисовна говорила о нем.

– Вы страшнее тигра, – ответственно заявила Гертруда Армаисовна и раскрыла дверь машины. – Желаю вам удачи! – с волнением произнесла она, и ее глаза повлажнели. – Запомните, что чемодан с деньгами вы должны вернуть нам, потому что это инвентарь киностудии и он состоит на учете в милиции.

– Не учите! – скорчил презрительную гримасу Юдин и пнул ногой мусорный бак, который мешал ему пройти.

– Чемодан!! – в два голоса крикнули водитель и Гертруда Армаисовна, и вслед за Юдиным из машины вывалился старинный, с кожаными накладками на углах, с дряблыми замками и потертым днищем чемодан.

Юдин хотел сказать, что великому гангстеру стыдно даже пописать в это тухлявое корыто, а не то что идти с ним на дело, но дверь машины уже захлопнулась, и через затемненные стекла можно было увидеть лишь беспорядочно отмахивающиеся руки.

5

Но ничего, он примял гордыню. Чемодан – не показатель достоинств личности. Юдин вышел из подворотни на улицу. Ревели, отравляя воздух, машины. Редкие прохожие, оказавшиеся на берегу этой механизированной реки, пялились на витрины автосалонов и бутиков. На Юдина никто не обращал внимания. Несчастные создания! Они с тоской и мучительным восхищением смотрели на дорогие, сверкающие автомобили, мечтая о несбыточном, они через замочную скважину подглядывали за иной, недоступной для них жизнью. Их удел – жить и умереть в непреходящей зависти. словно черви, смотрящие из своих сырых и рыхлых нор на парящего в небе орла. А он, Юдин, орел! Он готовится в точности повторить жесткий почерк титана преступного мира. Он готовится взять денег столько, сколько ему потребуется для широкой и разгульной жизни. А кто посмеет сопротивляться, тот будет убит. Властитель жизни накрывает своим черным крылом жалкий человеческий мусор...

Юдин любовался своим отражением в витринах. Какой форсажный шаг! Какой напор! Земля дрожит! Он увидел отражение белых колонн банка. Выходит, банк на другой стороне улицы. Придется дождаться сигнала светофора. Команда клерков ждет его и в напряженном ожидании ломает головы: какой путь выберет новоявленный Аль Капоне? Может, он, подобно его предшественнику, проникнет внутрь здания по канализационным трубам? Или, как Волк в «Семерых козлятах», попытается залезть через крышу? Но Аль Капоне выберет непредсказуемо простое и банальное решение: он зайдет в банк через главные двери. Он широко распахнет створки, брызнет ослепительной улыбкой и с гулким стуком поставит чемодан на стойку...

Юдин перешел улицу перед разгоряченными мордами машин, словно перед оскаленными пастьми диких зверей. Рычат, ревут, расплавляя воздух, но укусить бояться, словно Юдин держит в руке пылающий факел. Страх – вот что правит миром. Он сейчас так сыграет свою роль, что клерки запомнят его на всю оставшуюся жизнь... Юдин поправил шляпу, сдвигая ее почти на самые глаза, и взялся за отполированную ручку двери. Ручка пропиталась сладким запахом денег. И хлынувший изнутри охлажденный кондиционерами воздух тоже был напоен этим манящим ароматом. Деньги, деньги! Юдин зашел внутрь зала. На него никто не посмотрел. Хорошо играют, изображая рабочую бесстрастность и сдержанное высокомерие. Особенно вон тот плешивый юноша в рубашке, воротник которой похож на маленький унитазик. И вон та женщина, которая тычет пальчиком в договор, показывая посетителю, где надо поставить подпись. Охранник делает вид, что читает газету. Большой, пузатый клиент с седым ежиком считает купюры, вытаскивая их из бумажника и складывая в стопку – будто гадает по ромашке «любит – не любит». С кого бы начать? Юдин, словно бойцовская собака, которой для драки нужно, чтобы ее кто-нибудь испугался, в нерешительности застыл посреди зала. Они выжидают. Они хотят, чтобы он первым раскрыл себя и обозначил свои намерения. Надо действовать нестандартно. Надо делать все не так, как действовал бы какой-нибудь занюханный грабитель. Потому что сегодня Юдин – не Юдин, он Аль Капоне.

Юдин выхватил пистолет, навел его на охранника и с оглушительным щелчком выпустил в его сторону электронный луч. Датчик, спрятанный в лацкане униформы, принял сигнал, передал его на спрятанный под курткой жилет, и пиропатрон выплеснул наружу чернильно-красный плевок. Охранник, делано схватившись за грудь, осторожно, чтобы не удариться сильно, съехал на пол.

– Это ограбление! – крикнул Юдин и свалил на пол стол, за которым только что сидел охранник. – Я убью каждого, кто не поднимет руки вверх!

Аль Капоне отличался немотивированной жестокостью. Юдин, забравшийся в его шкуру, приплюсует к жестокости великого гангстера свою. Он навел ствол пистолета на тучную фигуру толстяка, который считал деньги. Бац! – и толстяк спиной упал на пол. Красиво сыграл, стер-

вещ! Наверняка он напихал под пиджак надувные подушки, чтобы не больно было падать. Купюры, которые он держал в руке, рассыпались по полу. Одна легла прямо на лицо толстяка, закрыв ему, как покойнику, глаза. Кто-то тонко вскрикнул в углу. Юдин подошел к стойке, за которой стояли бледные клерки, кинул им чемодан.

– Доверху! – сказал он и зачем-то выстрелил в стоящую прямо перед ним девушку. Она ахнула, изобразила бульканье крови в горле и вешалкой упала на пол. А как упала! Юбка задрапалась выше колен, обнажив голубенькие трусики. Вот это актерское мастерство! Вот это добросовестная работа!

– Не стреляйте! – пролепетал плешивый юноша, вытягивая шею из своего накрахмаленного унитаза.

Может, и его уложить на пол? А кто же наполнит чемодан деньгами? Ах, как хочется положить всех! Всех до единого, и ходить по затихшему залу, переступая через них, словно через кучки собачьего дерьма в парке.

Юдин круто повернулся на каблуках и выстрелил в рыжеволосого клиента, который не слишком добросовестно поднял руки. Кажется, у него жилет не сработал (халтура! Сэкономили, засранцы, на чернилах!), никакого пятна на груди не проступило, да и сыграл свою смерть он неубедительно: медленно оседал, словно у него через зад вытягивали позвоночник. Так умирают только хорошие герои в плохих фильмах.

Плешивый юноша принялся выгребать откуда-то из-под стойки пачки денег и закидывать их в чемодан.

– Быстрее! – поторопил его Юдин, размахивая пистолетом.

Теперь он разглядел этого артиста во всех деталях. Похоже, готовили его к роли наспех: кроме того, что рубашка не по размеру, так еще и контуры жилета проступают под пиджаком на спине. Да и на банковского работника он совсем не похож. Студент Щукинского училища, неудачник и двоечник. Пальнуть в него, что ли? Или перед выходом?

Юноша, выбрав все из-под стойки, кинулся к шкафу и стал вынимать оттуда «кирпичики», запаянные в полиэтилен. Тоже халтура! Эти муляжи совсем не похожи на деньги. Нарезали газетной бумаги, замотали в пищевую пленку, вот и весь «инвентарь киностудии, состоящий на учете в милиции»... Юдин начал перебирать харчами. Игра стала его разочаровывать. Пресытился даже таким экстремальным видом развлечений! Он забрался на стойку и стал ходить по ней, как по подиуму, разбивая ногами пластиковые дощечки с процентными ставками и расценками.

– Всех убью!! Всех на тот свет отправлю!! – искусственно разжигая в себе энтузиазм, крикнул Юдин.

Какой-то невзрачный, с побитым оспой лицом человек выскочил из двери и уже раскрыл рот, собираясь что-то сказать, как Юдин пальнул в него. Стрелял не целясь и, будь у него настоящий пистолет, наверняка не попал бы, но пучок электронного сигнала веером накрыл датчик, и человек, заливаясь чернилами, споткнулся о воздух и упал лицом вперед, сшибая стулья. Плешивый юноша тоже вошел в раж, стал правдоподобно трястись, «кирпичики» вываливались из его рук. Он пытался заплакать, чтобы придать действию особый драматизм, но для настоящих слез ему не хватило профессионального мастерства, и он ограничился только кислой гримасой.

– Больше ничего нет! – пролепетал он, опуская в чемодан последний «кирпичик».

Все ясно. Организаторы разнообразили и усложнили игру, вынуждая Юдина подключиться к поиску денег. Юдин приказал плешивому юноше взять чемодан и следовать за ним. И все-таки не хватает остроты! Где милиция? Где неожиданные вводные? Например, внезапно блокируются входные двери банка, и Юдин начинает искать запасные ходы. Или вдруг гаснет свет, на окна опускаются черные шторы, и игра продолжается в полной темноте... А так все

слишком просто и банально. Но что Юдин хочет от бесплатной игры, подаренной ему в качестве поощрения? Дареному коню в зубы не смотрят...

Он забрался за стойку, над которой висела табличка «Валютные операции», и выгреб из металлического короба пухлую стопку долларовых купюр.

– А это что? – насмешливо спросил Юдин и, плюнув на стодолларовую купюру, приклеил ее на лоб юноше.

– Это не мой отдел, – заикаясь, проговорил тот.

Юдин выбрался в зал. Юноша едва поспевал за ним. Словно поднос с яствами он нес раскрытый чемодан, наполненный бумажным мусором. Раздутое портмоне лежащего неподвижно толстяка – туда же. И рассыпанные по полу купюры... Теперь вроде бы все. Юдин посмотрел по сторонам. Сценарий исчерпался. Юноша с наклеенной на лоб купюрой стоял рядом и с мольбой смотрел на него.

– Милиция где? – спросил Юдин и зевнул. – Сэкономили? Скучно у вас тут. Скучно...

– Не убивайте меня, пожалуйста, – попросил юноша.

– А какой-нибудь другой текст ты знаешь? – спросил Юдин. Он взял у него чемодан, закрыл его, взвесил, определяя, сколько килограммов макулатуры ему удалось собрать, и подумал, что все бесплатное обязательно разочарует качеством.

– Пожалуйста, не убивайте, – повторил юноша и наконец сумел выдавить слезу. Наконец-то! Под конец игры вошел в роль. Сколько же времени придется раскошегаривать этого актеришку на съемочной площадке, чтобы он начал более-менее сносно играть!

– Не верю. Не верю... – «по-станиславски» расстроился Юдин и прицелился юноше в грудь. – Хоть что-нибудь про бедную маму скажи. Или про несчастную жену, у которой ты единственный кормилец.

– У меня нет жены, – прошептал юноша, глотая слезы.

– Смотри, как надо, – начал учить Юдин. Он поставил чемодан на пол, воздел руки кверху и дурным голосом взвыл: – Простите меня, ради бога, но я человек нездешний, и дома у меня нет, и жена вечно беременная, и детишек целая куча, и все голодные, описанные и обкаканые, и некому о сиротинушках позаботиться, накормить некому, приласкать некому... Вот так надо. Понял?

– Понял, – прошептал юноша и облизнул пересохшие губы.

– Ну, раз понял, тогда встань ко мне лицом. Разверни грудную клетку, а живот втяни... Вот, хорошо... Теперь считаем до трех. Айн, цвай, драй...

Юдин нажал на спусковой крючок, но пистолет не сработал, лишь слабо цокнул.

– Все у вас так, – с печалью произнес он, заталкивая пистолет за пояс. – В самый ответственный момент села батарейка. Ну, ладно! Будь здоров. Встретимся на банкете.

С этими словами Юдин подхватил чемодан и пошел к выходу. Он окончательно разочаровался в игре. Все выглядело очень ненатурально, как в плохом кино. Клерки сопротивлялись слабо. Люди «умирали» фальшиво. Никаких хитрых уловок не было. Милиция не приехала. И в конце концов села батарейка в пистолете. «Стоило из-за этого вылезать из постели? – думал Юдин, выйдя на улицу. – Посмотрим, какую они поляну накроют. Если не будет достаточно водки и приличной закуски, то можно считать, что день испорчен безнадежно».

Как раз загорелся зеленый свет на пешеходном переходе. Подслеповатая, трясущаяся, как бумажный комок на ветру, старушка попросила помочь перейти. Юдин взял ее под костлявую руку, перенес с тротуара на «зебру», и тут через переход нагло, с воем, проскочила милицейская машина. Юдин плюнул ей вслед и громко выругался:

– Вот же мент поганый! Чуть бабушку не раскатал!

Он хотел потрясти кулаком, но обе руки были заняты, и тогда Юдин взмахнул ногой, словно ударил по невидимому мячу. Но милиционерам не было никакого дела до него, они с

воем помчались по своим делам. Юдин, благополучно доставив бабушку на другую сторону улицы, усталой походкой отработавшего смену шахтера поплелся в подворотню.

Из микроавтобуса, словно черт из табакерки, высунулась сотрудница экстрим-агентства. Она была похожа на сумасшедшую, изображающую бешеную лисицу.

– Как вы долго!! – протыкала она, шевеля мокрыми губами и настойчиво отбирая у Юдина чемодан. – Вам понравилось? Пощекотали себе нервы?

– Какое-то козержистое развлечение, – кислым голосом ответил Юдин, но Гертруда Армаисовна его не поняла.

– А я вам говорила, что мы плохого не держим, – хвалила она себя. – Первоклассные актеры, суперовые декорации... Отдали пистолет Марселю Гамлетовичу?

– Какому Марселю Гамлетовичу?

– Нашему распорядителю. Он должен был встретить вас у входа в банк.

– Не было там никакого Марсея, – пожал плечами Юдин, вытащил пистолет и протянул его Гертруде Армаисовне.

– Как это не было? Как это не было? – скороговоркой произнесла Гертруда Армаисовна, но ее губы при этом двигались иначе, будто она говорила что-то другое, но ее неправильно продублировали. – Такой высокий, усаый господин... Что вы мне суеете эту дрянь? Это вовсе не тот пистолет, который я вам дала. У того была коричневая ручка, а у этого какой цвет? Не поймешь, что это за цвет такой...

Машина завелась и замурлыкала мотором. Юдин уже встал на ступеньку, чтобы зайти внутрь, но Гертруда Армаисовна вдруг неприлично высоко подняла ногу и коротким пинком вытолкнула Юдина наружу.

– Ищите Марсея Гамлетовича! – зло выкрикнула она. – И верните ему инвентарь!

– Где ж мне его искать? – растерялся Юдин.

– Он ждет вас на ступеньках!

– На каких еще ступеньках? Там не было никаких ступенек!

– Как это не было?! Как это не было?! – кричала Гертруда Армаисовна из открытой двери. – Перед входом в банк! Туда невозможно попасть, не поднявшись по ступенькам!

– А как, по-вашему, я туда попал?! – с неприятным предчувствием, будто стремительно подступала диарея, воскликнул Юдин. Он схватился за дверь, но сотрудница экстрим-агентства шаловливой ослицей лягнула его.

– Не знаю! Не знаю, как вы туда попали! И куда вы вообще попали, я не знаю!

– Как куда!! В банк, естественно!! Как вышел из подворотни, свернул налево, а потом перешел на другую сторону...

– Какое налево?! Кто вам говорил, что надо сворачивать налево?! Направо надо было!! Направо!! – брызгаясь мелкой слюной, как из дезодоранта, зашипела Гертруда Армаисовна, и машина тотчас рванула с места и помчалась через двор к арке.

– Эй! – завопил Юдин, протягивая руку вслед удаляющейся машине. – Не надо наглеть так сильно... Где мне теперь искать этого гребаного Гамлета?

Он попытался ее догнать, но машина уже исчезла за поворотом. Пошел дождь. Юдин стоял в маслянистой луже, отливающей радужным светом. По краю лужи, хромая, ходил дефективный голубь с культей вместо лапки.

– Ни хрена не понимаю, – пробормотал Юдин и оглянулся. Ему стало немного не по себе.

Он выглянул из подворотни и увидел, что напротив банка, который он недавно посетил, хаотично громоздятся милицейские машины, и мерцают маячки, и носятся, как муравьи вокруг колбасной шкурки, люди в форме.

Юдин на всякий случай спрятался в подворотне, сел за мусорным баком и стал чесаться. Что значит – надо было направо? Справа находится нужный банк, а слева – совсем даже не нужный? И что же получается? Что за мутотень получается?!

В черепную коробку Юдина раскаленным сверлом стала внедряться безобразная мысль, и была она настолько безобразна, что Юдин схватился за голову и негромко взвыл. Нет, нет, только не это! К чему принимать во внимание шальную и непревзойденно идиотскую мысль? Все проще! Наглая Гертруда не захотела накрывать поляну. Сэкономила на водке и закусках. Вот и все! Она просто сэкономила. Просто сэкономила...

6

Еще некоторое время Юдин в полном оцепенении сидел на крышке мусорного бака, деформируя ее своим качеством, потом вырвал из-под тесного ремня пистолет, повертел его, не понимая, чем не понравился Гертруде Армаисовне цвет рукоятки, и отправил оружие в мусорный бак. Привалил сверху отработанным кошачьим наполнителем и сплющенной коробкой из-под кефира.

Она просто не захотела накрывать поляну! Фигли тут еще думать... Он гнал прочь из головы мысли о милицейских машинах. Его не должно волновать, зачем они там. Нечего совать нос в чужие дела. Юдин неплохо сыграл свою роль, он устал, он хочет домой. С экстрим-агентством его больше ничто не связывает. Теперь можно отправиться куда-нибудь в теплые края. В Таиланд. Или на Красное море. Поваляться на теплом песочке. Посмотреть на гробницу Тутанхамона...

Юдин вспомнил чье-то философское изречение, которое он частенько выдавал за свое собственное: мир таков, каким мы рисуем его в своем воображении. Надо думать о хорошем, и материя будет трансформироваться под тебя. Юдин повеселел, но на Большую Повидловку выходить не рискнул, а по нескончаемой веренице проходных дворов пробрался к станции метро, попутно снимая с себя и выкидывая шляпу, очки и пиджак. «Жарко!» – убеждал он себя, хотя было совсем даже не жарко, а сыро и тоскливо.

В метро ему показалось, что все смотрят на него. Это подозрение усилилось после того, как в вагоне к нему подошел пахучий мальчик с лицом цвета рязанского чернозема и стал вымогать деньги. Народ смотрел на Юдина искоса и злорадно. Эта сцена доставляла пассажирам удовольствие.

– Пшел вон... Кыш!.. Уйди, я сказал... – едва разжимая зубы и пунцовая, бормотал Юдин.

«Что, Аль Капоне? Слабо с мальчиком справиться? – подлю насмехались глаза пассажиров. – Это тебе не банки грабить!»

Выбравшись на поверхность земли, Юдин почувствовал себя лучше, и ему снова удалось убедить себя в том, что ничего плохого не произошло и жизнь течет по прежнему руслу. По дороге домой он приобрел две пачкипельменей и помимо своей воли встал в хвост самой длинной очереди. В процессе продвижения к кассе он жадно прислушивался к тому, о чем судачит народ. Четверо подростков с пивом и чупа-чупсами, щедро используя неприличные выражения, спорили о том, что вкуснее: скелетоны, батончики с трупазиками или шоколадные гробики. Две домохозяйки, которых едва можно было разглядеть за тяжелыми, как танки, тележками, одновременно перечисляли друг дружке сделанные на этой неделе покупки, указывая при этом цену, страну-производителя, цвет, фасон, модель, а также имена идиоток-подружек, которые купили то же самое вдвое дороже. Был в очереди еще один говорящий – это потный, обмахивающийся кредитной карточкой мужчина, но говорил он с кассиршей, точнее, выговаривал ей за то, что она сама не напомнила ему о положенной ему скидке. Все остальные молчали.

Дома Юдин сварил обе пачкипельменей. Тщательно помешивая варево, чтобы не прилипло ко дну кастрюли, он добавил бульонный кубик, лавруху, а когда выложил пельмени на тарелку, присыпал сверху обжаренными с луком шкварками.

В телевизионных новостях не было ничего интересного. Лежа на диване животом кверху, Юдин икал, ковырял палочкой в зубах и вспоминал самые яркие эпизоды игры. Вообще-то, лихо придумано! Экстрим-агентство, если им умно руководить и предугадывать настроения людей, будет процветать под изобилием заказов. Вот только надо как следует отшлифовать детали. Вот, например, пачки, которые Юдин закидывал в чемодан, совсем на деньги не

похожи. И «умирали» клерки неправдоподобно. И крови мало. Мало, мало крови!! А клиентам платят за нее, за рваные раны, за вскрытые аорты, за вывалившиеся потроха...

Юдин уже хотел было позвонить в экстрим-агентство Гертруде Армаисовне и дать ей несколько добрых советов и пожеланий, как вдруг пожарной сиреной взвыл телефонный аппарат.

– Почему ты отключил мобильник? – с легкой паникой в голосе спросила жена. – Я полдня не могу к тебе дозвониться! С тобой все в порядке?

– До того как динозаврик позвонил мне, было все в порядке, – умело сочетая супружеское сюсюканье и ненависть, ответил Юдин. – А теперь у меня уже плохое настроение.

– Прости, миленький мой. Но дело в том, что тут одна женщина смотрела по телевизору новости Си-эн-эн. И передавали, что в Москве случилось что-то ужасное. Кажется, теракт... То ли в супермаркете, то ли в кинотеатре... Нет, нет! Вот мне подсказывают, что это произошло в банке! Расстреляли несколько человек – семь или даже десять. Я так разволновалась! А тут ты еще все время недоступен!

Юдину показалось, что все съеденные им пельмени вдруг одновременно перестали перевариваться и начали проситься наружу. Он вскочил с дивана. Телефонная трубка стала медленно выползать из его влажной ладони.

– Си-эн-эн? – повторил он глухим голосом. – Странно... Чепуха какая-то... Я только что смотрел новости, так не было там ничего такого...

– Я тебя испугала? У тебя даже голос дрожать начал!

– И ничего не начал... Тебе кажется... Скажешь тоже! А что еще говорили? Может, это вовсе и не в Москве было?

– Точно в Москве! Ты лучше не выходи из дома. Такое время беспокойное!

Мила еще что-то говорила про замечательный вечер национальной песни, где она исполнила «Степь да степь кругом», но Юдин уже не слушал ее. Ослабевшим пальцем он надавил на кнопку отбоя, медленно, словно сквозь толщу воды, добрался до телевизора и включил его. Он переключался с канала на канал, но повсюду была только реклама, тарелки с супчиками сменяли прокладки, а те, в свою очередь, уступали место минеральной воде «Гжелка», и Юдин давил на кнопку пульта все чаще, пока наконец в ярости не швырнул пульт в аквариум. К несчастью, бросок оказался точным и сильным. Шлифованное оптическое стекло лопнуло, и аквариум стошнило на паркет зеленоватой водой с рыбками и водорослями.

Некоторое время Юдин в оцепенении смотрел на прыгающих по полу зеркальных рыбок, потом схватился за телефон. Время позднее, но он из-под земли достанет этих аферистов! Не на того напали! Они горько пожалеют, что так нехорошо пошутили над Юдиным!.. Длинные гудки... Много длинных гудков... Наконец ответил чей-то сонный голос.

– Экстрим-агентство «Сламбер»? – грозно спросил Юдин, понизив тональность голоса на несколько октав.

– Куда вы звоните? – без желания уточнил сонный человек.

– В экстрим-агентство! Где они там? Ну-ка срочно дайте трубку кому-нибудь!

– Нет здесь никакого агентства, – ответил человек и зевнул.

– Как нет?! – вскричал Юдин, едва не кусая трубку от злости. – А вы кто?

– Охрана...

– Я несколько дней назад был там, где сейчас вы, и разговаривал с Гертрудой Армаисовной!

– Ну и ладушки, – снова зевнул охранник. – Разговаривайте с кем хотите. А я при чем здесь?

– Что ж, доберусь я до вас, – мстительно произнес Юдин.

Они не знают, как опасен Юдин, если его разозлить! Как громок и звонок его голос! Как сверкают его глаза! Как много ругательных слов он знает и без запинки выдает! Надо

надеть черную рубашку и джинсы. Черная рубашка зрительно сузит границы его тела, а широкие джинсы не будут стеснять свободу наступательных движений.

Юдин одевался перед зеркалом. На самом деле он выбрал черную рубашку не для того, чтобы казаться более худым. Дело в том, что в банк он заходил в смокинге и белой рубашке. Теперь ему хотелось изменить свою внешность с точностью до наоборот. Челку Юдин обычно зачесывал на правую сторону, теперь же перекинул на левую, отчего стал немного похож на растолстевшего Гитлера. Вместо брюк надел джинсы. Вместо туфель – кроссовки. Подумал, чем еще можно себя обезобразить, и закинул на плечо черную женину сумку. Чем нелепее, тем лучше.

Пожилой охранник, дремавший за столом перед турникетом, при появлении Юдина вскокинул и кинулся заслонять собой проход, словно сторожевой пес.

– Я вам звонил час назад! – оперным басом объявил Юдин, стараясь внешне напоминать выпущенную в цель торпеду.

Охранник испугался, но по его виду было ясно, что он готов стоять насмерть.

– Мне звонили? – уточнил он, и Юдин сразу понял, что разговаривал не с ним. У этого человека голос был тонкий, высокий, как у женщины.

– Мне надо пройти в экстрим-агентство, – пояснил Юдин и, взявшись за турникет, попробовал его на прочность.

– В экстрим-агентство? – эхом переспросил охранник и, радуясь, что у посетителя нет никаких претензий лично к нему, вернулся за стол, нацепил огромные очки, в которых сварщики варят швы на баржах, и стал листать потрепанный журнал.

– Это вторая дверь налево по коридору, – нетерпеливо объяснил Юдин.

– Вторая дверь, – снова эхом отозвался охранник и закрыл журнал. – Сейчас проверю.

Он зашел в коридор, но, прежде чем скрыться за углом, как-то странно взглянул на Юдина и зачем-то погрозил ему пальцем. Юдин попробовал открыть турникет, но тот был крепко заблокирован. Можно было бы попытаться перепрыгнуть через него, но Юдин боялся зацепиться ногой за верхнюю перекладину и упасть. Это выглядело бы несолидно и тем более невоинственно. Пока охранник искал вторую дверь налево, Юдин заметил на столе под стеклом список офисов, находящихся в этом здании. Он пробежал глазами по завихрастым, не поддающимся расшифровке названиям, но никакого экстрим-агентства «Сламбер» не обнаружил. Юдин сдвинул журнал на край стола, чтобы найти еще какие-нибудь списки, и вдруг... вдруг на него глянул пухлощекий чертенок с мелкими злобными глазками. Юдин даже отшатнулся от стола. Сердце перестало биться в его груди. Чертенок был как две капли воды похож на него!

Слабая, с трудом держась на ногах, Юдин склонился над столом, впитывая глазами неопрятно сделанный фоторобот, над которым, словно вставшие дыбом курчавые волосы, висела рваная надпись: «Органами внутренних дел разыскивается опасный преступник!» Лицо, конечно, было чрезмерно круглым, а глаза издевательски мелкими, и все же сходство было поразительным. Ломая ногти, Юдин приподнял край стекла, вынул из-под него лист с фотороботом и затолкал его в карман. Надо уходить! Немедленно уходить!

Он повернулся, чтобы на цыпочках пойти к двери, как вдруг услышал за спиной приглушенный кашель. Обернулся. Охранник выглядывал из-за угла и поганенько ухмылялся.

– Нет там никого, – сказал он, сверкая глазками. – Уже целый месяц как никого. Ремонт...

Он помолчал, вытер нос и с удовольствием добавил:

– А я тебя сразу узнал... Морда у тебя приметная...

– Что вы там узнали?! – срываясь на визг, крикнул Юдин. – Ничего вы не узнали!! Вы же слепой!! И голова у вас уже не работает!!

– Может, и слепой, – согласился охранник, ухмыляясь, отчего стали видны его разнокалиберные, непохожие друг на друга зубы. – А портретик ты зачем прикарманил?

Юдин чувствовал себя так, словно находился в горящем доме. Он выбежал на улицу, но тотчас перешел на шаг, чтобы не привлекать к себе внимания прохожих. Вынув из кармана скомканный фоторобот, Юдин стал отщипывать от него понемножку и кидать обрывки в разные стороны... Вот это вляпался! Юдина объявили в розыск! Его портреты размножены и разосланы во все учреждения. Значит, он действительно ограбил банк и перебил кучу народа... Ужас... Конец света...

Юдин на мгновение остановился и прислонился лбом к шершавой кирпичной стене дома. Как ему жить дальше? Надо идти в милицию и чистосердечно во всем признаться. Он расскажет про экстрим-агентство, про первую игру в монгольского хана и как потом, обманутый мошенниками, согласился на вторую игру, и что был нездоров, и что плохо соображал, что делает, и что он сам стал объектом тяжкого преступления... Ему поверят, его простят. А он будет содействовать милиции в розыске преступников. Он составит такой фоторобот Гертруды Армаисовны, что художник Шилов обзавидуется! Он пойдет вместе с операми на задержание и первым ринется навстречу пулям.

Да, да, так будет... Юдин чувствовал, как слезы гордости и благородства текут по его щекам. Только не надо торопиться. Надо прийти домой, собраться с мыслями и, не торопясь, с ясным умом, соблюдая аргументацию и логику, написать подробное заявление.

Он шел медленно, втянув голову в плечи и озираясь по сторонам. Всякая бумажка, приклеенная к углу дома, к столбу или к остановке троллейбуса, привлекала его внимание. Ему чудилось, что повсюду висят его портреты. Стемнело уже настолько, что нельзя было толком разглядеть объявления. Юдин в ужасе шарахался от одного столба к другому. У него не было спичек или фонарика, чтобы осветить, и тогда он начал срывать все объявления подряд. На четвертом или пятом столбе он остановился, понимая, что начинает сходить с ума. Но если бы с ума сходил только он!

– Я схожу с ума!! – крикнула Мила из телефона прямо Юдину в ухо.

Проклятые высокие технологии! Из-за границы достает! Зачем он ответил на звонок?! Не хватало ему еще объясняться с женой!

– Что тебе от меня надо?! – взвыл Юдин, прижимая мобильник ко рту, словно губную гармошку. – Отстань от меня, динозавр!!

Путана, которая направлялась к Юдину, чтобы осчастливить его своей красотой, испугалась его вопля, шарахнулась в сторону и там, в тени, вдруг до неузнаваемости сгорбилась, скололапилась и скривоножилась.

К себе в подъезд Юдин заходил словно в клетку с тигром. Руки его были напряжены, запястья ныли, будто их сдавливали наручники. Когда он открывал дверь, стараясь сделать это беззвучно, из соседней квартиры выглянула соседка. Рыжая, злая и завистливая бестия с интересом следила за Юдиным из-за двери.

– Добрый вечер! – наконец произнесла она.

С чего это ее прорвало на вежливость? Полгода Юдин и она старательно не замечали друг друга. А началось все с того, что Юдин, возвращаясь домой после банкета в офисе, забрел к ней. У рыжей мужа отродясь не было, только дети. И ходила она по квартире в просторном халате, из которого при каждом шаге нога выглядывала во всю длину, от корня до пятки. Ничего удивительного не было в том, что Юдина занесло к ней попутным алкогольным ветром. Вот только повела себя рыжая неадекватно, в квартиру Юдина не впустила, а на следующий день не преминула доложить о пикантном инциденте Миле. Мила месяц молчала, а Юдин обозвал соседку «ослицей недотраханной». С тех пор они не общались.

– Если бы я вас не увидел, – холодно ответил Юдин, ковыряясь ключом в замке, – вечер, может быть, был бы и добрым.

– Домой? – зачем-то уточнила рыжая.

– Уж конечно, не к вам.

– А я уже обрадовалась, подумала, что это вор. Вы так тихо подкрались к двери. И ключиком – шир-шир-шир...

Вот же гадюка! Нашла время издеваться над Юдиным. У него и без того душа отравлена... Он нервничал, замок никак не открывался. Соседка смотрела ему в спину. Юдин чувствовал этот взгляд, и ему казалось, что кто-то приставил ему между лопаток пистолет.

– Чего уставилась? – вспыхнул он. – Очень интересно?

– Очень, – подтвердила соседка. – Кого, интересно, вы в отсутствие жены к себе в дом приведете?

И за что она на него так окрысилась? Ведь с благими намерениями ломился он к ней в тот вечер полгода назад. Большой знак внимания хотел продемонстрировать. Откуда ей было знать, что творилось в душе Юдина? А вдруг высокие чувства? Вдруг любовь?

7

Прежде чем сесть писать заявление, Юдин плотно поел, хотя кусок у него в горло не лез. Но он впихнул его силой, да не один, а несколько. Ничто не должно отвлекать человека при написании заявления в милицию, в том числе и голод. Дело очень ответственное. Каждое слово должно быть тщательно продумано.

Вскоре Юдин стал чувствовать себя гораздо лучше. К нему вернулась его былая уверенность. Лежа на диване животом кверху и приплюсываясь к родному, натруженному запаху носков, Юдин мысленно рассуждал о том, что тяжесть всякого преступления определяет его мотив. Если мотив корыстный, значит, преступника надо наказывать. А какую корысть преследовал Юдин? Не было никакой, никакошенькой, даже самой занюханной корысти. В людей он стрелял, будучи уверенным, что это лишь имитация стрельбы. А что в чемодан клал? Голову дает на отсечение, что пачки, обернутые в полиэтилен, принимал за газетную бумагу. Да и где эти деньги? Себе хоть одну купюру взял? Весь чемодан заграбастала коварная Гертруда вместе со своим бакенбардыстым водителем. Вот, значит, кто настоящие преступники!

Переходя из комнаты в комнату, он начал искать бумагу и ручку. Какими неопровержимыми фактами и свидетелями он располагал? Во-первых, номером телефона экстрим-агентства, точнее, той комнаты, которой воспользовались мошенники для своих гнусных целей. Во-вторых...

Звонок в дверь прервал форсажный полет его мысли. Юдин замер, глаза его расширились, дыхание остановилось. Кто это может быть? Милиция? Оперативная группа, прибывшая на задержание? Увы, иного быть не может. Вычислили, проследили, настигли...

Юдину стало необыкновенно страшно и противно. Все произошло намного быстрее, чем он предполагал. О своем добровольном походе в милицию он думал несколько отстраненно, как о событии, которое, может быть, произойдет в каком-то туманном будущем. Но что встреча с милицией случится так быстро – он не предполагал. Как же так! Ведь он не успел собраться с мыслями и написать логическое и обоснованное заявление! А в кабинете следователя это сделать будет куда сложнее. Там, в тесной прокуренной каморке, сидя за шатким, изрисованным похабными уголовными картинками столом, под колким взглядом жестокого и беспощадного следака, под тоскливое гудение прогоревшей неоновой лампы – разве сможет Юдин сосредоточиться в таких скотских условиях? Его сознание будет заполнено лишь жуткими видениями темной камеры с покрытыми слизью стенами, с вонючими нарами, черной парашей и страшными-страшными разрисованными людьми, худыми и злобными, как смерть.

В дверь снова позвонили – протяжно, настойчиво. Юдин сделал один шаг к двери – на кончиках пальцев, как балетный танцор, и тотчас услышал голос соседки – режущий, пронизывающий до нервов, как трамвайный скрип: «Дома он, дома! Недавно зашел. Звоните еще. А лучше ногой постучите!»

И тотчас в дверь: бах-бах! Сейчас выламывать будут! Что делать, что делать? Юдин схватился за голову, посмотрел по сторонам в поисках чего-нибудь такого, что бы его поддержало в эту драматическую минуту. Плохо, когда совсем один. На этот случай сгодилась бы даже его динозавристая Мила. Пусть дура, пусть бесполезная, но с ее бабьим состраданием Юдину было бы немного легче.

Он с трепетом приблизился к дверному «глазку», чтобы посмотреть на состав оперативной группы. Если пара-тройка милиционеров, то это благо, эти бить не будут. А вот если тяжеловесная и агрессивная толпа гориллоподобных шрэков в камуфляже – то это кранты. Эти без разговоров повалят на пол лицом вниз да пройдутся дубинками по почкам да еще коваными ботинками по ушам. Сколько раз Юдин видел по телевизору, как действуют эти бессердечные

палачи, содрогаясь только при одной мысли, что он может когда-нибудь стать их жертвой. И вот оно, свершилось. Какое унижение!

Приоткрыв рот, Юдин с опаской приблизился к «глазку». Наверняка его залепили снаружи жвачкой. Это напоминает сцену казни, когда приговоренному на глаза повязывают тряпочку – незрячему вроде как легче умирать.

Но что это? На лестничной площадке нет ни мрачной толпы в камуфляже, ни милиционеров, а только две женщины. Причем одна из них – рыжая соседка, сверкающая змеиными глазами. А вторая... вторая... Юдин вдруг с облегчением опустил с носочков на пятки, и плечи его расслабились, и лицо озарило какое-то подобие улыбки... Так это ж Гертруда Армаисовна собственной персоной! На ловца и зверь бежит!

Подвывая от восторга, Юдин принялся приводить в действие все многочисленные замки, распахнул дверь настежь и почему-то по-украински воскликнул:

– Здоровеньки булы!

Рыжая недолго маячила за спиной Гертруды Армаисовны и вскорости, получив глубокое удовлетворение, спряталась в своей квартире. Юдин сделал широкий жест, выказывая искреннее и радушное гостеприимство. Сотрудница агентства выглядела как вдова, изрядно уставшая от траура. На ней поверх черной блузки с глухим воротом был бордовый пиджачок. Мрачного цвета юбка, помятая то ли в городском транспорте, то ли еще где, целомудренно закрывала колени. Вид у Гертруды Армаисовны был строгий. Ее веки были низко опущены, как забрало у рыцаря. С обостренным достоинством женщина прошла по коридору в холл, но там в окружении многочисленных дверей в нерешительности остановилась.

– Где мы можем поговорить? – спросила она.

– Смотря о чем ты хочешь поговорить, – улыбаясь, ответил Юдин. – Если пришла с повинной, чтобы раскаться и во всем чистосердечно признаться, – тогда в гостиную...

– Что? – сухо и отрывисто произнесла Гертруда Армаисовна и приподняла веки. – Вы считаете, что это я должна раскаться?

– А кто же еще?

– Конечно, вы! – с наглой уверенностью заявила Гертруда Армаисовна. – Вы – жестокий и хитрый преступник, но мы вас раскусили, и никакие ваши увертки вам не помогут!

– Это вы меня раскусили? – возмутился Юдин и неправдоподобно рассмеялся. – Мошеница! Считаю, что ты уже в тюрьме вместе со своим Пушкиным! Сейчас ты будешь писать чистосердечное раскаяние на имя прокурора!

Юдин с угрожающим видом двинулся на Гертруду Армаисовну, но сотрудница экстрим-агентства оказалась не робкого десятка и тотчас приняла боксерскую стойку.

– Имейте в виду, – предупредила она, вытягивая в сторону Юдина костлявые и мелкие, как у мартышки, кулачки, – что ежели со мной что-нибудь случится, то вам не поздоровится!

– Если бы ты знала, как я ждал встречи с тобой! – убеждал Юдин, бульдозером наезжая на женщину.

– Еще шаг – и я позову милицию! – пригрозила Гертруда Армаисовна.

– Сделай милость, позови! Как раз милиции сейчас не хватает. Расскажешь им про свое липовое агентство, про пистолет с боевыми патронами, про чемодан с деньгами, который вы с Пушкиным присвоили! Давай, давай, зови!

Еще шаг – и Юдин схватил бы Гертруду Армаисовну за плечи, но она пригнулась, проскочила под его рукой и с воплями «Милиция! Милиция!» кинулась в прихожую. Выбежать на лестничную площадку она не смогла, так как Юдин предусмотрительно вытащил из дверного замка ключи, и принялась со всей дури колотить в дверь ногами.

– Люди!! – голосила она. – Позовите милицию!! Убивают!!

– Давай, давай, – подзадоривал ее Юдин, поеживаясь от неприятного озноба, который вызывал пронзительный крик женщины. – Громче, а то не услышат!

Гертруда Армаисовна вдруг замолчала и стала оседать на пол. Делала она это медленно, очень артистично, напоминая то ли умирающего лебедя, то ли тающего под весенним солнышком снеговика. Наконец повалилась под дверь и замерла.

Трупом прикинулась! Значит, испугалась Юдина, поняла, что безнадежно проигрывает.

– Ты время зря не трать, – посоветовал Юдин, – а думай, с чего начнешь писать свое чистосердечное признание. Кому пришла в голову идея создать экстрим-агентство? Сколько людей вы уже обманули? Где прячете деньги, нажитые нечестным трудом?

Гертруда Армаисовна не шевелилась.

– Только не надо делать вид, что ты умерла, – продолжал Юдин, прохаживаясь по прихожей и поглядывая на распростертое тело. – Я тебя пальцем не тронул.

– Подонок, – едва слышно прошептала Гертруда Армаисовна. – Убийца... На твоих руках кровь невинных людей.

– Но моими руками ловко манипулировала ты вместе со своим сообщником!

– Это вы будете объяснять в отделении.

– Объясню! Еще как объясню! Давай сюда свою милицию! Где она? Ну?

Вдруг в дверь позвонили, а затем постучали. Гертруда Армаисовна проворно вскочила на ноги.

– А вот и она! – с радостной мстительностью крикнула она и прильнула к «глазку». – Ура! Больше вы мне ничего не посмеете сделать! Прощайтесь со своей квартирой! Вас ждут нары!

Оттолкнув Гертруду Армаисовну, Юдин тоже посмотрел в «глазок» и увидел огромную фуражку и деформированное оптикой лицо. Ага, все-таки милиция! Что ж, пришло время играть по-крупному. Сейчас Юдин все расставит по своим местам. Ему нечего скрывать, его совесть чиста. Посмотрим, как сейчас запоет лживая сотрудница аферистического агентства!

Он открыл дверь. Высокий милиционер с несвежим лицом, на котором отпечаталось многолетнее общение с криминальными типами, козырнул и перешагнул порог.

– Что случилось? – строго спросил он. – Кто хозяин квартиры?

– Я хозяин квартиры, – ответил Юдин и с победным видом покосился на стоящую рядом Гертруду Армаисовну, мол, сейчас посмотрим, кого нары ждут.

– Какие проблемы? – машинально спросил милиционер, заглядывая в холл. – Зачем вызывали?

– Это я вас вызвала, – сказала Гертруда Армаисовна. – Я хотела бы обратиться с жалобой на этого гражданина, который ради осуществления своих преступных замыслов кидает тень на мое безупречное экстрим-агентство!

– Безупречное! – хмыкнул Юдин.

– Какое-какое агентство? – уточнил милиционер и прищурился.

Вот он, момент истины! Наверняка в милицейских сводках уже не раз фигурировала эта мошенническая контора! Гертруда Армаисовна сама себя загнала в угол! Юдин, предвкушая быструю развязку, потер ладони.

– Экстрим-агентство «Сламбер», – шмыгнув носом, испуганно добавила Гертруда Армаисовна.

– Оба-на! – воскликнул милиционер и сдвинул фуражку на затылок. – Это то самое, где это... приколы всякие, костюмы доисторические... на конях... девушки, Петр Первый...

– Так точно! – по-армейски ответила Гертруда Армаисовна.

Лицо милиционера расплылось в улыбке. По мнению Юдина, блюститель порядка должен был сказать что-то вроде: «Вот ты и попалась, голубушка!» Но он неожиданно сказал совсем другое:

– Вот как мир тесен! Половина нашего отделения посетила ваше агентство. Ребята такое рассказывают! Я тоже хочу попробовать что-нибудь пикантное, да все никак не соберусь... А

вы что ж, в нем работаете? Надо сказать, здорово вы все это придумали! И душой отдыхаешь, и историю изучаешь!

– Обязательно приходите! – обрадовалась неожиданному повороту в разговоре Гертруда Армаисовна. – Для милиции и военных мы делаем скидки. А для вас в качестве исключения мы отыграем бесплатно.

– Правда? – загорелся желанием милиционер. – Обязательно приду. А можно у вас это... как его там... Распутиным побывать? Он, говорят, очень охоч был до придворных дам.

– Конечно, можно! Хотите Распутиным, хотите – Казановой. Вот вам моя визитка, звоните хоть завтра утром!

Это безобразие надо прекратить! Мерзавка начала обрабатывать милиционера!

– Не верьте ей, – утробным голосом произнес Юдин. – Она мошенница. Агентство придумано для того, чтобы обманывать клиентов.

Милиционер, рассматривая визитную карточку, равнодушно откликнулся:

– Не советую вам огульно обвинять приличную организацию.

– Приличную?! – вскричал Юдин. – Да у вас волосы на голове дыбом встанут, если я вам расскажу, чем эта организация занимается!

Милиционер снял фуражку и провел ладонью по блестящей лысине.

– Рассказывайте, рассказывайте! – прячась за спиной милиционера, начала дразниться Гертруда Армаисовна. – Обо всем рассказывайте! И про то, как вы нечаянно перепутали направление и пошли совсем не туда, куда надо! И как нажимали кое на что и при этом делали вид, будто не понимаете, что происходит...

– А? – насторожился милиционер и, нахмурившись, искоса взглянул на Юдина. – На что это вы нажимали?

Юдин подавился собственной слюной, закашлялся. Милиционер ударил его по спине, и непонятно было, чего он добивается: помочь Юдину или же отбить ему почки.

– Можно тебя на минуточку? – произнес Юдин, когда отдышался, и с ненавистью посмотрел на Гертруду Армаисовну.

– А что нам скрывать от уважаемого товарища милиционера? – захлопала лживыми глазками Гертруда Армаисовна.

– Я прошу тебя, – сквозь зубы процедил Юдин, взял женщину под руку и затащил в спальню. Прикрыв дверь, он подтолкнул Гертруду Армаисовну к стене и, едва не касаясь ее непропорционального носа губами, зашептал: – Послушай же, изворотливая бестия! Если ты задумала меня потопить, то тебе это будет непросто сделать. Я найму лучших адвокатов страны и выведу тебя на чистую воду!

– Да отстаньте вы от меня! – всплила Гертруда Армаисовна, пытаясь оттолкнуть от себя Юдина. Его упругий живот еще сильнее расплющивал ее сдавленные тесным пиджаком груди. – Очень мне нужно вас топить!

– Так чего же ты добиваешься, носатая гадюка?

– Правды!

– Какой еще правды?

– Я хочу узнать, куда вы подевали деньги из ограбленного банка!

Он едва успел зажать ей ладонью рот. Тяжело дыша от варящихся в его душе эмоций, Юдин приблизил губы к маленькому, усыпанному брюликами ушку, и шепнул:

– Первый раз в жизни я имею дело с такой жадной и хитрой вороной.

– Вы грубый, – со слезами в голосе ответила Гертруда Армаисовна. – У вас нет ничего святого. Я сейчас позову милиционера. Пусть хоть он за меня заступится!

– Хорошо, – шептал Юдин, скользя губами по бархатистой мочке. – Ты только скажи, когда же наконец насытишься? Тебе мало чемодана денег и кучи трупов? Что ты еще от меня хочешь?

– Отдайте то, что подло украли!

– А ты считаешь, что я что-то украл?

– Конечно! В банке уцелело несколько свидетелей, которые видели, как вы грабили и убивали... У меня есть их телефоны. Позвоню – они сразу прибегут...

Юдин снова закрыл ладонью рот Гертруды Армаисовны.

– Давай разберемся во всем спокойно, – прошептал Юдин, поглядывая на дверь. – Выпроводи мента. Скажи, что конфликт исчерпан.

Гертруда Армаисовна уперлась руками в живот Юдина и, глядя исподлобья, предупредила:

– Я могу его выпроводить. Но имейте в виду: мой водитель знает, что я у вас. Если я не позвоню ему в назначенное время, он поднимет тревогу.

– Пусть поднимает! – рискнул Юдин. – Моя совесть чиста! Я играл в ограбление, а не грабил! И вообще, где доказательства, что это именно я заходил в банк?

– У меня доказательства! – с восторгом объявила Гертруда Армаисовна. – В чемодане, который вы занесли в банк, я установила маленькую видеокамеру. Хотела сделать рекламный ролик. И вот пока вы убивали и вытряхивали из банковских служащих деньги, камера все фиксировала. Я сделала несколько копий этого замечательного фильма. Да уж, прелестно вы играли, нечего сказать: «Всех убью!! Всех на тот свет отправлю!»

Юдин опять заткнул рот Гертруде Армаисовне. Женщина говорила непозволительно громко. К тому же в дверь постучал милиционер.

– Гертруда Армаисовна, вы живы?

– Жива! – ответил Юдин и подтолкнул Гертруду Армаисовну к двери, чтобы она продемонстрировала милиционеру свое живое лицо.

Дверь приоткрылась. Юдин с усилием улыбнулся и обнял Гертруду Армаисовну.

– Мы помирились, – объявила Гертруда Армаисовна, поглаживая Юдина по затылку.

– Давно пора было, – назидательным тоном произнес милиционер и поправил фуражку. – Тогда обойдемся без протокола. – Он сразу забыл о службе, превратившись в облагороженного халявой клиента, вареньевыми глазами посмотрел на сотрудницу экстрим-агентства, похлопал по нагрудному карману, куда была положена на сохранение визитка, и уточнил: – Значит, завтра я приду к вам? Чтобы этим побывать... ну, который придворных девок... как его там... водка такая была...

– Распутиным, – подсказала Гертруда Армаисовна. – Только желательно пораньше. – Она покосилась на Юдина. – Не думаю, что здесь я надолго задержусь...

– В вашем положении зарекаться не надо, – лукаво блестя глазами, ответил милиционер и козырнул. – Ваше дело молодое, неподконтрольное... Ну, так и быть, позвоню часиков в девять. Тем более у меня выходной завтра.

8

Дверь за милиционером захлопнулась. Некоторое время Юдин и Гертруда Армаисовна молча стояли друг против друга, сложив руки на груди, словно дуэлянты, размышляющие, какой вид оружия выбрать.

– Неужели ты уверена, что все сойдет тебе с рук? – спросил Юдин.

– Не пойму, о чем вы, – захлопала глазками Гертруда Армаисовна. – Наше агентство имеет чистейшую репутацию. На рынке туристских услуг мы зарекомендовали себя как честные и добросовестные...

– Хватит! – оборвал ее Юдин. – Сейчас мы с тобой вдвоем. Нас никто не слышит. Зачем ты разыгрываешь этот дешевый спектакль?

– Я хотела спросить у вас то же самое, – гордо ответила Гертруда Армаисовна. – Зачем вы притворяетесь законопослушным гражданином? Ведь вы же не будете отрицать, что убили ни в чем не повинных людей и ограбили банк.

– Но я думал, что делаю это понарошку! – крикнул Юдин, чувствуя, что вновь перестает себя контролировать.

– Но я вам не верю. И никто вам не поверит. Вы умышленно пошли в настоящий банк. И там вели себя очень натурально!

– Я просто вжился в роль! – с жаром принялся убеждать Юдин и даже руки прижал к груди, где бешено колотилось сердце. – Клянусь, что во мне вдруг проснулся талант актера, и я стал не просто играть, а жить... будто все происходило на самом деле... понимаешь? Я пропустил новую роль через себя, внушил себе, что я – Аль Капоне...

– Вот-вот, я об этом и говорю, что вы уже не играли, а убивали и грабили по-настоящему! – с укором сказала Гертруда Армаисовна. – И присвоили себе половину денег.

Юдин понял, что сделал себе еще хуже. Гертруда Армаисовна смотрела на него отчужденно, отгородившись завесой недоверия, да еще пальчиком погрозила: мол, знаю я вас как облупленного, думаете, я наивная девочка?.. Юдин схватился за голову, дернул себя за волосы, словно хотел сбросить с себя наваждение, проснуться. Пора прекратить бессмысленный разговор о внушениях, заблуждениях, актерских дарах и прочей химере, которую невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Надо разобраться в конкретных, материальных вещах. Например, определиться, что значит «присвоил себе половину денег».

– А это значит, – охотно пояснила Гертруда Армаисовна, явно ожидавшая этого вопроса, – что мы с водителем сразу поняли, что имеем дело с настоящим ограблением, и вернули директору банка чемодан с деньгами. Он пересчитал и сказал, что не хватает еще столько же, тот есть трехсот тысяч долларов.

– Так вы их сами же и присвоили! – громко и страшно рассмеялся Юдин.

– Была охота в криминал впутываться! – фыркнула Гертруда Армаисовна. – Мы на организации игр зарабатываем неплохо, и налоги исправно платим, и с законом дружим.

Юдин ходил вокруг женщины, словно голодный волк вокруг костра, на котором жарится баранья нога: и подойти страшно, и жрать хочется.

– Интересно бы узнать, – вкрадчиво спросил он, – а как вы объяснили директору банка, откуда у вас чемодан с деньгами?

– Так и объяснили, – пошевелила плечиками Гертруда Армаисовна, – что какой-то придурок, угрожая пистолетом, пытался угнать нашу машину, но водитель оказался не робкого десятка, оказал ему сопротивление, и мы благополучно уехали вместе с чемоданом. А потом из новостей узнали об ограблении и немедленно вернули в банк ценное вещественное доказательство.

– Да эта сказка шита белыми нитками! – вскрикнул Юдин и постучал себя кулаком по голове. – Кто в нее поверит?

– Директор банка поверит, если я верну ему недостающие триста тысяч.

– А если не вернешь?

– Тогда мне придется отдать ему видеозапись с вашими подвигами и сообщить ему ваш домашний адрес.

– А почему не в милицию? – насторожился Юдин.

– Директору не хочется широкой огласки, у каждого банка есть свои коммерческие секреты, – пояснила Гертруда Армаисовна, – и потому он нанял целую дюжину частных детективов. А они, будьте уверены, вытряхнут из вас душу.

– Но я не брал никаких денег, – на этот раз растерянно сказал Юдин. – Хочешь, поклянусь своим здоровьем? Или встану на колени?

– Мне от этого не будет легче. Чтобы спокойно жить и не вздрагивать по ночам от малейшего шума, я должна быть чиста перед директором банка. Отдайте триста тысяч – и мы все обретем покой.

– Тебе на каком языке повторить, что я не брал твои поганые деньги? – заревел Юдин.

– Я бы не стала выгораживать вас, – воркующим голосом произнесла Гертруда Армаисовна, скидывая туфли, – и сразу рассказала бы о вашем преступлении директору банка – тем более что водитель хотел именно так и сделать. Но мне почему-то стало жалко вас. Я смотрела, как тогда, в деревне, вы догоняли... то есть как пытались справиться с девушками... Вы были таким жалким, никчемным, беспомощным... Мне так вас было жалко...

– Что? – заливаясь краской стыда, прошептал Юдин.

– И вот вы решили ограбить банк, совершить, так сказать, сильный и красивый поступок, – продолжала Гертруда Армаисовна, прохаживаясь по комнатам и с интересом разглядывая мебель. Юдин следовал за ней. – Но снова вы опростоволосились, оставили в живых меня и водителя, самых важных свидетелей. Мало того! Вы позволили нам отобрать у вас чемодан. Какой из вас Аль Капоне? Вы просто неудачник и растяпа. Вы ничего не умеете делать.

– Может, хватит наглеть? – возмутился Юдин.

– Приготовьте, пожалуйста, кофе, – попросила Гертруда Армаисовна. – И успокойтесь. Поймите же наконец, что я пришла к вам как друг. Я хочу помочь вам выбраться из того дерьма, в которое вы сами себя окунули.

– Да ты, оказывается, хамка!

– Вы взяли на себя непосильную ношу! – не слушая Юдина, продолжала Гертруда Армаисовна. – Вы слишком возомнили о себе. Вы попытались поставить себя наравне с великими. Но то, что вы о себе думаете и что представляете собой на самом деле, – земля и небо! Вы только взгляните на себя в зеркало!

– Вот сейчас я как всыплю тебе! – пригрозил Юдин, плюя в кулак, но в зеркало тем не менее украдкой глянул.

– Ударить женщину способно любое ничтожество, – прокомментировала заявление Юдина Гертруда Армаисовна. – Куда сложнее проявить великодушие, щедрость или совершить поступок, достойный настоящего мужчины... А где у вас кухня? Я запуталась в ваших комнатах...

– Я тебя не то что на кухню, я тебя в туалет не пушу, – предупредил Юдин.

– И это благодарность за мою доброту? За мою материнскую жалость к вам?

– Выметайся отсюда, слышишь? – свирепея, процедил Юдин и заслонил собой проход на кухню – в святая святых, в помещение, где он вкушал сливочные изыски своего материального блага.

– Как хотите, – пожала плечами Гертруда Армаисовна и направилась в прихожую. – Только предупреждаю вас, что уже через час вы будете висеть на собственной люстре кверху

ногами, как Буратино. У директора банка очень злые церберы. Они не станут с вами церемониться.

– Тебя слушаешь, так церберы готовы кинуться на первого встречного, – сказал Юдин, галантно подавая Гертруде Армаисовне обувную лопатку. – Я надеюсь, что они разберутся, откуда уши растут.

– Я тоже на это надеюсь, – согласилась Гертруда Армаисовна, окунула руку в треугольную с кожаной бахромой сумочку и вынула оттуда похожий на зеркальце оптический диск. – Посмотрите на сон грядущий. Может, спать крепче будете.

С этими словами она помахала ручкой и вышла из квартиры. Юдин запер за ней и сразу почувствовал громадное облегчение. Вот же какая пройдоха! Триста тысяч баксов ей! Сейчас, разбежался... Юдин вращал на пальце диск, корявые блики бегали по стенам и потолку.

Через минуту он уже сидел в кресле и смотрел на огромный плоский экран. То, что происходило на нем, можно было бы принять за приличный игровой фильм, если только все это не было бы действительностью. По залу банка, размахивая пистолетом, прохаживался наглый и самоуверенный толстяк в шляпе и солнцезащитных очках. «Доверху!» – крикнул он и выстрелил в стоящую перед ним девушку. Девушка упала на пол, юбочка задралась, обнажив голубенькие трусики... Смерть! Это были кадры реального убийства! И как Юдин сразу не догадался, что люди, в которых он стрелял, не играли. Они умирали по-настоящему!.. А вот в кадр попал плешивый юноша. «Не стреляйте!» – умоляет он. Плохая игра? Да, игра плохая, просто никудышная, потому что это и не игра вовсе. Это жизнь, она выглядит на экране немного простоватой, неэффективной, до ужаса скупой на жесты и слова... Еще один выстрел! Юдин вздрогнул так, что кресло под ним скрипнуло. Сраженный пулей, на пол медленно оседал рыжий мужчина. Теперь видно, что рыжий умирает очень даже убедительно, жизнь словно вытекает из него, ее уровень понижается, а за ней остается лишь мертвое, безвольное тело. «Быстрее!» – поторапливает грабитель. В чемодан летят пачки денег. Почему они показались тогда газетной нарезкой? Ведь прекрасно видно, что это настоящие банковские упаковки! И лицо грабителя прорисовывается на экране во всех своих отталкивающе-мерзких деталях: грушевидный овал лица, короткий, чуть отвисающий книзу нос, раздутые, лоснящиеся от пота щеки, редкие, просвечивающие брови – не физиономия, а пицца с ветчиной и грибами! «Всех убью!! Всех на тот свет отправлю!!» – противным голосом, похожим на визг голодного поросенка, кричит грабитель. Здесь его не только мама родная узнает. Тут его слепая, глухая и давно впавшая в беспамятство старушка узнает. Темные очки дают такой же маскировочный эффект, как если бы слону повязать на голову косынку: а ну-ка угадайте, что за зверь?.. Конец, конец. Эта запись – приговор Юдину. Выхода нет.

Юдин выудил из плеера мерзкий диск и, кроша его на мелкие кусочки, словно шоколадку, кинулся на балкон. Схватившись за перила, он свесил голову, словно его поразил внезапный приступ рвоты.

– Гертруда Армаисовна! – сдавленным шепотом позвал он.

Где-то внизу, в темноте, среди влажной листвы дворовых деревьев, раздались ритмичные щелчки каблуков. Вот они затихли. Юдин увидел белое, освещенное неоновым фонарем лицо женщины, обращенное к нему.

– Гертруда Армаисовна, не уходите, давайте поговорим! – умолял Юдин темноту.

– Я устала, – балуясь ситуацией, капризно отозвалась Гертруда Армаисовна.

– Погодите секундочку!

Нельзя ее отпускать! Она – его судья, его палач. Она носитель всех его бед... Юдин ринулся на лестничную площадку, вызвал лифт и, приплясывая у закрытых створок, с ужасом думал о том, что от какого-то мелкого человечка так много зависит в его жизни. А человек-то ведь хлипкий, слабенький, ничтожный, как таракан...

Она курила, поджидая его на скамейке у подъезда. Малиновый огонек сигареты напоминал точку прицеливания лазерной винтовки. Влепить бы ей пулю прямо между накрашенных губ, чтобы она раскрошила зубы, пробила тонкое небо, вязкий и мягкий мозжечок и вышла через затылочную кость... И совсем не страшные эти мысли, а даже очень приятные, притягательные.

– Какой вы резвый! – усмехнулась Гертруда Армаисовна, выдувая дым в лицо Юдину.

Он присел на край скамейки. Черные окна дома напоминали гигантские глаза каких-то страшных ночных животных. Кругом царствовала глухая тишина. Все затаилось, чтобы слушать и подсматривать.

– Гертруда Армаисовна, – прошептал Юдин. – Давайте вернемся ко мне и попытаемся договориться.

– Вижу, что фильм вам понравился.

С каким смачным удовольствием она издевалась над ним!

– Ну давайте не будем сидеть здесь и светиться, а поговорим у меня... – мучаясь от необходимости унижаться, прошептал Юдин и покосился на окна.

– Что значит «светиться»? – сыграла наивность Гертруда Армаисовна. – Вы меня боитесь? Я вас компрометирую? А вам не кажется, что я должна вас бояться? Это ведь вы – убийца и грабитель...

– Что ж вы так орете... – покрываясь липким потом, едва слышно произнес Юдин. – Очень прошу вас, давайте поднимемся ко мне.

– Я натерла ноги! – барским тоном объявила Гертруда Армаисовна. – Мне больно ходить.

– Обопритесь о мое плечо! – тотчас предложил Юдин.

– Что я, пьяная, чтобы опираться о ваше плечо? Несите меня на руках!

– Как на руках? – опешил Юдин.

– Разве вы не знаете, как носят женщин на руках? – хмыкнула Гертруда Армаисовна и закинула окурок в кусты. – Как жених несет невесту на брачное ложе.

– Вы, Гертруда Армаисовна, уже совсем хотите меня в грязь втоптать...

– Ах так?! – вспыхнула Гертруда Армаисовна. – Взять меня на руки – это все равно что быть втоптаным в грязь?! Мне кажется, что вы еще не знаете, что такое грязь... Что ж, скоро узнаете!

Она решительно встала со скамейки, но Юдин, мысленно изливая все известные ему ругательства и проклятья, подхватил ее на руки.

– А говорите, что не умеете, – примирительно сказала Гертруда Армаисовна, обвивая руками липкую шею Юдина.

Он занес ее в подъезд. В каморке консьержки свет не горел, окошко было закрыто занавеской. Юдин порадовался этому, но на этом радость кончилась. Едва Юдин попытался занести Гертруду Армаисовну в кабину лифта, как она вдруг широко расставила ноги и уперлась каблуками в алюминиевый наличник. Так делал сказочный Иванушка, когда Баба-Яга пыталась затолкать его в печь.

– Ку-у-уда? – игриво пропела Гертруда Армаисовна. – По лесенке!

– Вы переоцениваете мои силы, – задыхаясь, взмолился Юдин.

– У монгольского хана была богатырская сила. Тем более у Аль Капоне! Вперед!

И она показала кончиком туфли направление движения. «Что-то будет!» – думал Юдин, шаг за шагом покоряя ступени. Сердце в его груди колотилось со страшной силой, от пота насквозь промокли рубашка и джинсы. Неимоверным усилием воли он сдерживался, чтобы не бросить Гертруду Армаисовну в мусоропровод. На пятом этаже он долго отдыхал, прислонившись горячей и жирной, как свежая кулебяка, головой к стене. На седьмом этаже у него потемнело в глазах. Вдобавок Гертруда Армаисовна начала вываливаться из ослабевших рук, и Юдину приходилось подталкивать ее коленом под тощий зад. На свою лестничную площадку

он взобрался словно запряженный в баржу бурлак. Толкнул ногой дверь и в то же мгновение услышал, как за его спиной клацнул замок. Когда обернулся, то успел увидеть, как спряталась за соседской дверью огненно-рыжая голова.

«Семь бед, один ответ!» – подумал Юдин. Он пребывал в таком состоянии, что, повстречай он в своей квартире генерального прокурора в мантии и парике, – ничего бы не добавилось к его избыточному отчаянию.

Захлопнув дверь, Юдин почувствовал громадное облегчение. Он сам не мог понять, что изменилось, почему вдруг появилась иллюзия необыкновенной легкости. Ведь Гертруда Армаисовна по-прежнему висела на его руках, и впереди был второй раунд тяжелейших переговоров. «К чему бы это?» – подумал Юдин и попытался поставить жесткую кровососку на ноги, но женщина накрепко обхватила его шею.

– Нет! Нет! – властно произнесла она и ножкой об ножку скинула с себя туфли. – На постель!

Юдин раскрыл рот, будто давал продышаться задыхающимся от негодования ругательствам, сидящим у него на языке, и понес Гертруду Армаисовну в спальню. Положил ее рядом со своим скомканным одеялом, на женино место. Пиявка вытянула ножки, блаженно зажмурилась и промурлыкала:

– Я немножко отдохну, а потом поговорим.

Юдин вышел из спальни, с какой-то зарождающейся идеей зашел на кухню, оттуда – в гостиную, затем в столовую... Это его дом. Его крепость. Родные стены. Все, что они видят и слышат, – навсегда останется в глубокой тайне, под замком. Вот отчего это живительное чувство облегчения! Здесь никто их не видит! Никто не подсмотрит, что происходит, никто не подслушает, не сфотографирует. Очень ценное качество. Позволяющее игроку почти безгранично импровизировать... А почему почти?

9

Он грыз ногти и кидал взгляды на многочисленные зеркала, развешенные по всей квартире. Не так уж он плохо выглядит! И совсем не кажется жалким и беспомощным. Разве что немного растерян. Зато глаза страшные, полные предчувствия большого события. Глаза воина, правителя и поработителя!

Юдин снова зашел на кухню, выдвинул ящик, где лежали ножи, взял самый тяжелый тесак, отрезал кружок колбасы, съел, не почувствовав вкуса... Шкурку кинул в мусорный пакет. Этот маловат. Где-то под мойкой Мила хранила большие пластиковые мешки, в которые запросто сто килограммов картошки войдет... Он наклонился, пошарил рукой под мойкой... Полезная вещь, очень полезная для хозяйства вещь... Ни о чем конкретном в эти минуты Юдин не думал. Он просто купался, кувырчался в чувстве облегчения. Будто с него сняли тесный костюм, не по размеру маленькие ботинки и в одних трусах посадили за стол, ломящийся от яств. Ешь, пей, веселись от души, от пуза! Нет ни диет, ни страха отравиться или подавиться, и хозяева не считают пирожки.

Он вернулся в спальню. Гертруда Армаисовна целомудренно прикрыла свои копытца краем одеяла.

– Ну, давайте продолжим наш разговор, – сказала она.

– Я согласен, – сказал Юдин на удивление покладисто. – Только мне нужны гарантии.

В глазах Гертруды Армаисовны появился интерес. Она взбила подушку, чтобы лечь повыше и лучше видеть Юдина.

– Еще разочек, – попросила она. – Что вам нужно?

– Гарантии того, что видеозапись не попадет ни директору банка, ни в милицию, ни на телевидение. Никуда! Она должна быть уничтожена.

– Принимаю, – кивнула Гертруда Армаисовна.

– Звони своему сообщнику! – потребовал Юдин.

– Сначала отдайте мне деньги!

– Ага, щас! Я отдам тебе деньги, а Пушкин поднимет тревогу!

– Он поднимет тревогу, если я не позвоню ему... Ах, батюшки! – вдруг воскликнула она, глянув на маленькие золотые часики, сверкающие на ее запястье. – Это уже пятый час утра? Я должна была позвонить ему ровно в четыре!

– Что?! – завопил Юдин и почему-то кинулся к окну, словно готовился увидеть облепивший дворные кусты, деревья, козырек подъезда батальон спецназовцев.

– Спокойненько. Без паники, – виноватым голосом заговорила Гертруда Армаисовна, выуживая за шнурок спрятанный на груди мобильный телефон. Она сама не на шутку испугалась. – Сейчас я ему позвоню. Может быть, еще не поздно...

– А если поздно?! – выходил из себя Юдин, заламывая руки. – Какие тебе деньги? Да я сейчас придушу тебя!

– Я должна успеть... Должна... – без особой уверенности твердила Гертруда Армаисовна, тыкая пальчиком в кнопки.

– О, горе! Горе! – причитал Юдин, расхаживая по спальне из угла в угол. – Зачем я связался с тобой?! Ведь жил прекрасно, спокойно, и все у меня было! Дом, семья, жена! И деньги, и развлечения, и ни в чем себе не отказывал! Зачем, зачем??

– Алло! Аллоу! – кричала в трубку Гертруда Армаисовна. – Это я... Извини, я совсем забыла... Нет-нет, все в порядке... В порядке, говорю!!

– Где он?! – с отчаянной надеждой прошептал Юдин, взбираясь на кровать, словно на спасательный плот, качающийся посреди океана.

– Где?? Уже подходишь к отделению милиции? Стой!! Не ходи!! Возвращайся домой!!

– И пусть диск ломает на мелкие части! – встрянул в разговор Юдин.

– И диск поломай! – продублировала Гертруда Армаисовна.

– На мелкие части! – подсказал Юдин.

– На мелкие части, – передала требование Гертруда Армаисовна.

– И скажи, что ты уже едешь к себе, – совсем тихо просуфлировал Юдин и весь окаменел, ожидая, повторит эти слова Гертруда Армаисовна или нет.

– А я уже еду к себе домой, – послушно повторила она в трубку. – Умираю спать хочу.

Наконец она отключила телефон и радостно взглянула на Юдина:

– Все в порядке. Мы успели... А что это вы так странно на меня смотрите?

Хорошенькая моя, думал Юдин. Он смотрит на нее странно? Нет же, совсем не странно. Это взгляд кота, который смотрит на мышь... Он сходил на балкон за отверткой. Хорошая отвертка из качественной стали, с крестовым наконечником. Длина – с ладонь. Юдин вспомнил, как в детстве дворовый хулиган по кличке Корыто классифицировал ножики. Прикладывал лезвие к ладони, и если лезвие выходило за ее пределы, значит, нож достанет до сердца. Такие ножики среди мальчишек ценились особенно.

Юдин подошел к телевизору, выдернул вилку из розетки.

– Что это вы задумали? – спросила Гертруда Армаисовна, сгибая ноги в коленях и натягивая одеяло на себя.

– Сейчас увидишь, – пообещал Юдин и стал свинчивать заднюю крышку. Прежде чем снять ее, он сдунул с нее пыль, которая серым облачком вспорхнула под потолок. Потом с загадочным видом он просунул руку в электронное чрево и очень осторожно, как сапер снимает с мины взрыватель, стал вынимать перетянутые резинкой пачки долларов. Он кидал их на кровать и вполголоса считал:

– Десять... Двадцать... Тридцать...

– О-о-о! – оживилась Гертруда Армаисовна, и глаза ее засверкали алчным блеском. Она взяла пачку, которая оказалась ближе всего к ней, и взвесила ее на ладони. – Какая прелесть! Но разве здесь будет десять тысяч?

– Должно быть, – уверенно ответил Юдин. – Но можно пересчитать.

– А почему они не в банковской упаковке? Ведь вы изъяли у банка запаянные в полиэтилен пачки!

Какое милое словечко она подобрала: изъяли! Юдин не стал спорить. Бессмысленно. Зачем? Все уже определено, все решено.

– Тебе не все ли равно, запаяны они в полиэтилен или нет? – спросил он.

– Да, вы правы! – охотно согласилась Гертруда Армаисовна. – Доллары – они и в пачке, и без пачки, и в кошельке, и в лифчике... Они везде доллары... Правда, директор банка будет ворчать...

Она сорвала с пачки резинку и стала пересчитывать. Юдин смотрел на ее тоненькие коричневые пальчики, сморщенные на суставах, словно руки женщины были в перчатках из крашеной страусовой кожи. Почему-то он представил, как эти пальчики судорожно сожмут пачку, сминая купюры, а потом медленно расслабятся и смятые деньги выпадут на пол...

– Может, кофе? – предложил он, стараясь произнести эту фразу с тем скучным безразличием, когда спрашиваешь ради того, чтобы заполнить тишину да изобразить гостеприимство.

– С удовольствием! Я просто мечтаю о большой чашке крепкого кофе!

– Хорошо. Сейчас приготовлю...

Главное, не торопиться, не выдать своего напряженного угодничества. «А вам смазать веревку мылом? А каким предпочитаете – детским или хвойным? Детское нежнее...»

Он вышел на кухню и спокойными, осмысленными движениями наполнил медную турку фильтрованной водой, поставил ее на плиту. Потом выложил на разделочный стол мешок для

мусора. Все должно быть под рукой, чтобы потом не суетиться, не искать... Еще нужна веревка. Можно срезать кусок бельевой, что натянута на балконе... Остается самое главное...

Юдин опустился на корточки перед ящиками с кухонной утварью. Вот здесь ножи – любого размера и предназначения. И у всех лезвие выходит за пределы ладони. Выбирай с закрытыми глазами – не ошибешься. А вот тут – топорик для рубки мяса. Рукоятка удобная, с рельефными выступами для пальцев. А здесь – рулончик с полиэтиленовыми пакетиками. Тоже очень удобно. Отмотал сколько нужно, и – вперед. Полная герметичность, не пропускает ни воду, ни воздух. Гигиенично!

Юдин выпрямился и глянул на мешок для мусора. Вниз спускаться, конечно, будет намного легче. Даже если не пользоваться лифтом. Вот только живая женщина на руках – это одно. А черный мешок продолговатой формы – совсем другое.

Чем больше он воображал, тем больше возникало вопросов. Вода в турке закипала. Юдин открыл верхний шкафчик и достал оттуда пластмассовую коробку. Здесь Мила хранила лекарства. Он открыл крышку, и сразу запахло больницей. Какой гадкий запах! Вроде бы он должен ассоциироваться с выздоровлением, с жизнью... Где-то здесь была коробочка с маленькой баночкой цвета плотной мочи. Мила еще обратила на нее внимание Юдина и предупредила, чтобы он нечаянно не спутал содержимое этой баночки с фесталом, слабленом и просратином, которые Юдин регулярно принимал, дабы помочь продвижению больших пищевых масс от желудка до унитаза. Омнопол – вот как называется то сильнодействующее снотворное! Юдин тотчас нашел желтую коробочку, на которой Мила нарисовала череп с костями, сунул ее в карман, а аптечку вернул на место. Коробочка тяжелая, в ней погремушкой шуршат таблетки. Какая прелесть! Мила иногда принимала по полтаблетки, чтобы уснуть после тяжелых семейных скандалов. И спала всю ночь, а потом еще полдня.

Юдин покосился на дверь. Его немного лихорадило от противного чувства, словно за ним подглядывают. Гертруда Армаисовна ничего не должна заподозрить. Она увлечена пересчетом денег. А это занятие притягивает внимание похлеще, чем самый интригующий детектив, чем замочная скважина с чужими тайнами, чем сенсационная сплетня...

Он быстро вынул коробочку из кармана, выудил из нее баночку, открыл крышку. Сверху – ватный тампон. Юдин заметил, что у него трясутся руки. Ватку скрутил влажными пальцами и выкинул в мусор. Вытряхнул из баночки в чашку не меньше двух десятков маленьких оранжевых таблеток и сразу же присыпал их ложкой растворимого кофе. Залил кипятком. По кухне разлетелся терпкий запах. Сахара надо побольше, чтобы забить вкус таблеток. А есть ли у них вкус? Если они горькие, то Гертруда Армаисовна не станет пить и наверняка заподозрит неладное... Юдин стал вспоминать, морщилась ли Мила, когда принимала омнопол. Да как тут вспомнишь, если в последние годы на ее лице бессменно присутствовало покорно-омерзительное выражение, словно она носила зубные протезы, доставшиеся ей по наследству от покойной тетушки.

Юдин тщательно размешивал таблетки и сахар в чашке. Старался делать это так, чтобы не звенело. Потом открыл окно и кинул в разные стороны пустую баночку и коробочку от лекарства. Когда улики уже были в полете, он подумал, что надо было коробочку порвать и смыть в унитазе, а баночку раскрошить молотком и выкинуть в мусоропровод... Опыта нет! Первый раз в жизни он делает это... Если, конечно, не считать банк. Но там он играл. Можно сказать, репетировал. Входил в роль. И вот наконец вошел.

Он смотрел на черную поверхность адского напитка, где кружилась в хороводе радужная пенка. Осторожно поднес к носу, понюхал. Пахнет только кофе, больше ничем... Он вдруг испугался – вдруг не донесет, споткнется и выплеснет бесценную жидкость на ковер. Только через эту бездонную черноту в чашке лежал его путь к прежней свободе.

Он зашел в спальню. Гертруда Армаисовна продолжала пересчитывать купюры. Она уже обложилась ими со всех сторон, и можно было подумывать, что посреди кровати сидит жен-

щина в юбке, по-цыгански широкой, серо-зеленого цвета... Юдину вдруг стало страшно. Он на мгновение представил, как Гертруда Армаисовна будет лежать на купюрах, прижимаясь к ним щекой, неподвижная и бездыханная, а из ее рта на портрет президента будет вытекать тягучая черная слюна...

– Что это вы бледный такой? – спросила она.

У него перехватило дыхание, и он смог лишь молча протянуть ей чашку. Взгляд Гертруды Армаисовны прожигал его кумулятивной струей.

– Сколько ложек сахара? – спросила она, с подозрением глядя на кофе.

– Две... – с трудом произнес Юдин, тотчас закашлялся и поправил: – То есть три...

– Вы что?! – звонко возмутилась Гертруда Армаисовна. – Я же сладкое не употребляю! У меня же фигура!

Кажется, Юдин испытал облегчение. Он ожидал, что Гертруда Армаисовна сейчас вернет ему чашку. Но она вдруг отхлебнула, посмаковала и буркнула: «Сойдет!»

Он едва держался на ногах. Его корежило, выгибало, как червя на рыболовном крючке.

– У вас такой вид, – сказала Гертруда Армаисовна, делая еще глоток, – словно вы подсыпали мне яду.

Юдин по-идиотски захихикал. Его лицо полыхало, он явственно ощущал нестерпимый жар, который шел от его щек и лба; тепло разливалось по груди, обжигало руки. Он понял, что еще мгновение – и он упадет. Из последних сил он схватился за ручку двери, которая, как ему показалось, была намылена.

Гертруда Армаисовна медленно выпила кофе, с любопытством посмотрела на дно чашки, почему-то покачала головой и вытерла ладонью коричневые «усики».

– Спасибо, – сказала она, протягивая Юдину чашку. – Но мне кажется... М-м-м... Это «Арабика»? Или...

– «Императорский», – мертвыми губами ответил Юдин, с ужасом всматриваясь в глаза женщины. Ему уже виделась в них матовая пелена, он различал мутнеющий хрусталик и угадывал леденящее угасание. Гертруда Армаисовна прислушивалась к своим чувствам. Она замерла, нахмурила лоб, приложила ладонь к груди, словно пыталась отогнать дурные мысли.

– Здесь тридцать тысяч, – сказала она рассеянно, словно вдруг забыла, для чего она считала эти деньги и какой смысл имеет их количество. Кое-как сгребла их в кучку, несколько купюр, кружась, как осенние листья, упали на пол. – Спать хочу, умираю, – добавила она и виновато взглянула на Юдина. – Ваш кофе на меня совсем не действует.

Она зевнула... Еще было не поздно схватить ее в охапку, отнести в ванную, заставить выпить трехлитровую банку воды, а потом сунуть ей два пальца в рот, надавить на корень языка... Еще не поздно... Юдину казалось, что он сам выпил кофе с лошадиной дозой снотворного. Его тело затвердело, словно парафин на холоде. На несгибающихся ногах он вышел из спальни, тихо прикрыл за собой дверь и кинулся в ванную. Ему казалось, что он сам отравлен и теперь умирает... Какой ужас! Что он сделал!

Тугая холодная струя ударила ему в затылок, просочилась сквозь волосы, нитевидными струями полилась по щекам, лбу и шее. Юдину казалось, что голова его шипит и испускает пар... Почему? – думал он. Почему так страшно? Ведь он уже убивал, он уже перешагнул через этот Рубикон, и суть его поступков в банке и здесь была одна. К тому же там, в банке, все было намного ужаснее, он хладнокровно расстреливал людей в упор. А здесь он всего лишь приготовил кофе и добавил туда лекарство. И Гертруда Армаисовна просто засыпает... Его колотил крупный озноб. Кое-как вытерев голову полотенцем, он на цыпочках прошелся по квартире и замер перед дверью в спальню... Наверное, все уже свершилось.

Он осторожно приоткрыл дверь. Сначала увидел ее ноги, подмявшие под себя купюры. Потом – раскинутые руки, разметающиеся по женой подушке волосы. Глаза закрыты, лицо немного бледное, но спокойное. На нем не отразилось приближение смерти. Не было ни аго-

нии, ни судорог, ни мучений. Гертруда Армаисовна легко перекатилась из этого мира в другой. Она уже там?

Он долго не мог решиться подойти к ней. Неподвижное тело притягивало взгляд, и Юдин поймал себя на том, что смотрит на него почти с удовольствием, с необъяснимым восхищением, словно он был художником или ваятелем и любовался только что завершенным произведением искусства. В ней почудилось Юдину что-то близкое, почти родственное. Это тело теперь принадлежало ему, ибо он осуществил масштабное и страшное: отделил его от жизни. Юдин сделал шаг, медленно опустился перед кроватью на колени и коснулся ее руки...

10

И вдруг его как обухом по голове ударили! В дверь позвонили. У Юдина остановилось сердце, и мгновенно заледенела рука. Он поднялся на ноги, широко распахнутыми глазами уставился на приоткрытую дверь спальни и превратился в манекен. Кто это? Соседка? Или милиционер? Или группа захвата?

Он не знал, что делать. Перепуганное сердце стало биться в грудную клетку, словно требовало, чтобы его выпустили, ибо не желает оно сидеть внутри ненадежного человека, с которым происходит черт знает что.

Какое-то мучительное мгновение в квартире стояла гробовая тишина, и Юдин уже подумал, что звонок ему всего лишь причудился, что это так нехорошо шутит измученная нервная система, но в дверь позвонили снова, совершенно явственно, протяжно, настойчиво. Укусив кулак, Юдин на цыпочках вышел из спальни, прикрыл за собой дверь и беззвучно сел на стул в холле. Пусть звонят сколько угодно! Его нет дома. Он уехал. Улетел в Шарм-эль-Шейх. На две недели. Имеет же он право уехать куда ему хочется! Подписку о невыезде он не давал, никакими обязательствами ни с кем не связан.

Юдин провел бы в полной неподвижности, напоминающей анабиоз, неизвестно сколько времени, если бы не услышал, как кто-то вставляет ключ в замок. От этого звука у него встали волосы дыбом. Кто это? Может, полуночные вору ковыряются отмычкой? А может...

Ему страшно было подумать о ком-либо другом. Будь это вору, Юдин принял бы их хлебом и солью да помог бы вынести из квартиры громоздкий телевизор. Мучительно захотелось исчезнуть, раствориться в воздухе или крепко уснуть подобно тому, как это сделала Гертруда Армаисовна. Но он смог лишь приподняться со стула и на полусогнутых ногах приблизиться к раскрывающейся двери. Она раскрывалась со скрипом, и оттуда, с залитой тусклым светом лестничной площадки, потянуло сырым сквозняком, и вместе с ним в прихожую вплыла до боли знакомая Юдину женщина с темным от загара лицом и с большой спортивной сумкой на плече.

– Мила... – едва смог вымолвить Юдин, находясь в полуобморочном состоянии. – Ты... откуда? Ты зачем?..

– Миленький! – чувственно произнесла Мила, глядя на мужа страдальческими глазами. Она кинула сумку на пол, как раз на туфли Герруды Армаисовны, и вытянула вперед руки.

Юдин позволил заключить себя в жаркие объятия. Идиотские мысли проносились в его голове: о том, что в доме больше нет ни одной таблетки орнопола, что мешок для мусора уже зарезервирован, а дважды использовать его не очень гигиенично... Чем сильнее душила Мила его в своих объятиях, тем меньше оставалось шансов, что Юдин придет к какой-нибудь умной мысли. Все в его голове спуталось и смешалось.

– Разве путевка уже закончилась? – бормотал он, покорно подставляя щеки под влажные и смачные поцелуи. – Я отвезу тебя в аэропорт... Тебе надо обязательно отдохнуть еще...

– Я вся издергалась, измучилась! – надрывно шептала Мила, приглаживая вставшие дыбом волосы Юдина. – Я поняла, что с тобой случилось что-то ужасное, что ты без меня пропадаешь! И я все бросила и села на первый попавшийся рейс... На кого ты стал похож, миленький мой! На тебе лица нет! Ты весь трясешься... У тебя лихорадка, да?

– С чего ты взяла? – отвечал Юдин, чувствуя, что морально созрел на самый несуразный и отчаянный поступок, лишь бы не дать Миле увидеть покойницу. – Я прекрасно себя чувствую... Вот, собираюсь ложиться спать...

Он отводил глаза, а Мила настойчиво искала его взгляд и приседала для этого, и на цыпочки вставала, и крутила своей глупой головой во все стороны.

– Нет-нет, ты говоришь неправду! Пять часов утра, а ты до сих пор не в постели! И глаза у тебя перепуганные... Миленький мой! – Она обняла его в новом порыве нежности. – Ничего не бойся! Я с тобой! Я за нашу с тобой любовь жизнь отдам! Я все препятствия собой пробью!

«Ого!» – подумал Юдин, и все внутри его сжалось, как если бы на него наезжал танк.

Он почувствовал, что она начинает снимать туфли, и, дабы остановить этот процесс, с силой сжал ее в своих объятиях.

– Может, мы погуляем? – спросил он. – Это так романтично... Предрассветный час...

– Погуляем? – удивилась неожиданному предложению жена. В последний раз они гуляли вместе лет пять назад, когда выводили отправить естественные надобности дебильного тещино пуделя.

– Ну да! То есть я хотел сказать, чтобы ты погуляла. У тебя взвинчены нервы. Ты устала от дороги... А я пока... пока наведу здесь порядок... Праздничный стол, шампанское...

Тяжело дыша, он подталкивал Милу к двери. Она сопротивлялась, лицо ее становилось все более тревожным и озабоченным.

– Миленький! В своем ли ты уме? Я прилетела, чтобы тебе помочь, чтобы быть с тобой в трудную для тебя минуту, а ты выпроваживаешь меня на улицу... Нет, нет! Я никуда не пойду! Я не предаю тебя, не брошу!

– Тогда хотя бы прими ванну! – умолял Юдин. – Тебе с дороги надо помыться! От тебя... нехорошо пахнет! Можно даже сказать, смердит!

– Правда? Прости, – смутилась жена, украдкой приподнимая руки и нюхая подмышки. – Конечно, я немедленно приму ванну...

И тут вдруг ее взгляд остановился на дамской сумочке, лежащей на полочке перед зеркалом. Лицо Милы перекосилось, глаза сдвинулись к переносице, как бывает у пограничных овчарок, когда они видят нарушителя.

– А это еще что такое?

Юдин попытался заслонить сумочку собой, но Милу уже невозможно было остановить.

– Понятия не имею, – пояснил Юдин. Он не заготовил заранее подходящего ответа и ляпнул то, что само сорвалось с языка.

– Как это не имеешь? Как это не имеешь?

Жена напоминала сорванную со склона снежную лавину. Ее целеустремленность и скорость продвижения к сумочке неумолимо нарастала. Даже Юдин со всей своей внушительной массой не смог ее остановить. Мила схватила сумочку, осмотрела ее со всех сторон, помяла и подняла на мужа многотонный взгляд.

– Миленький, как это понять?! – с зарождающейся истерикой воскликнула Мила, тряся сумочкой перед носом Юдина. – Здесь была женщина?!

– Женщина? – эхом отозвался Юдин и заморгал глазами.

– Ты мне изменял, да? Ты ласкал другую?! В то время, когда я... когда я... так тебя...

Ее глаза наполнялись слезами, словно свежие раны кровью. Она замахнулась сумочкой, но в тот миг, когда Юдин закрылся руками, оттолкнула его и, громко стуча каблуками, зашла в холл. Юдин кинулся ей наперерез с тем отчаянием, с каким разве что впору кидаться под поезд.

– Мила, я тебе все объясню! Остановись! Выслушай меня!

Юдин понятия не имел, что хочет объяснить жене. Он думал только о том, чтобы она не зашла в спальню.

– Не надо мне ничего объяснять! – начала всхлипывать Мила. – Я все поняла... Здесь была чужая женщина...

Он схватил ее за плечи, не позволяя ей сдвинуться с места.

– Да, была, была! – раскаивающимся голосом начал заверять Юдин, стараясь окончательно утвердить жену в мысли, что сейчас в квартире никого нет.

– Ах, все-таки была?! – с новым взрывом негодования воскликнула жена и вlepила Юдину пощечину. Он обрадовался этому взрыву. Эмоции могли вышвырнуть Милу из квартиры.

– Еще как была!! – приплясывая перед Милой, кричал Юдин. – И мы с ней трахались!! Несколько часов подряд!! (Тут у него немного перехватило дыхание от столь наглой лжи.) Да... С бешеной страстью. Порочно. Пошло. Аморально... И соседка все видела, иди у нее спроси!!

– Ах... ах... – заскулила Мила. Схватившись за сердце и захлебываясь слезами, она попятилась в прихожую. – Ты... это просто... как же так...

– А вот так! А вот так! – делая поступательные движения тазом, кричал Юдин. Он уже радовался приближающейся победе. И, чтобы Мила выскочила из квартиры наверняка и надолго, добил ее: – Потому что я тебя на дух не переносу! Ты вообще не женщина! Ты черт знает что такое!

Проливая слезы на пол, Мила юлой повернулась к двери и схватила свою дорожную сумку. Она, бесспорно, выскочила бы из квартиры, подгоняемая обидой и унижением, если бы в это судьбоносное мгновение не увидела на полу примятые сумкой посторонние туфли.

Сумка с глухим стуком выпала из ее ослабшей руки. Юдин, глядя за происходящим, медленно закрыл глаза и тотчас почувствовал, как едкая капелька пота съехала ему на переносицу. Амба. Все пропало. Мила поняла, что разлучница-изменница, эта похабная кошка, эта грязная проститутка и сука рваная, в данный момент находится в квартире.

– А-а-а! – протянула она сдавленно, и на ее лице отразилось что-то умопомрачительное, от чего Юдину стало страшно. – Так она здесь? Тут? В моем доме?

– Во-первых, дом мой, – поправил Юдин, но это уже не могло остановить развитие трагических событий. – А во-вторых, она давно ушла. Босиком.

Растопырив руки, Юдин попытался удержать жену в пределах прихожей, но Мила подняла с пола омерзительную, насквозь пронизанную пороком туфлю и наотмашь ударила Юдина каблуком по голове. Юдин едва не потерял сознание, но все же устоял на ногах.

– Где она?! – кровожадно кричала Мила, распахивая двери ванной, туалета, кухни. – Где эта сифилитичка?!

Юдин, пошатываясь, преследовал ее и пытался схватить за подол сарафана.

– Мила, возьми себя в руки! У тебя же два высших образования! Ты же интеллигентный человек!

Но интеллигентный человек не слышал Юдина. А Юдин в конце концов выдохся и не смог больше преследовать свою жену, которая перемещалась по квартире, словно рассерженный матадором бык. Именно так, как положено быку на корриде, Мила замерла перед дверью в спальню: чуть пригнула голову, приподняла плечи, шумно засопела. Глаза ее налились кровью...

Юдин, трусливо ожидающий развязки за спиной жены, вдруг опешил от счастливой идеи, спикировавшей ему в голову. Сейчас Мила разнесет дверь в щепки и ринется на Гертруду Армаисовну. Разумеется, Мила будет уверена, что «сифилитичка» крепко спит, а потому не преминет воспользоваться ее беспомощным положением. Скорее всего, разъяренная супруга станет душить покойницу, а когда уgomонится и начнет нормально соображать, то осознает, что убила человека. Конечно же, она чистосердечно признается в содеянном милиции. Мила всегда была совестливой и честной, как все дуры и бедняки на земле. Какой чудесный выход из, казалось бы, тупиковой, безнадежной ситуации! Это не просто спасательный круг! Это целый корабль, вдруг подоспевший Юдину на помощь.

В общем, Юдин застыл за горячей спиной жены, позволяя событиям развиваться по своим законам. Он не думал в это время ни о моральной стороне грядущей перспективы, ни о тяжелых испытаниях, которые предстояло пережить его жене. Он вообще ни о чем не думал в тот момент, разве только о том, что благополучно миновал темную камеру с вонючей парашей

и расписанными уголовниками... Мила двинулась на дверь, чем-то напоминая транспортную космическую ракету, которая стартует медленно, но летит потом так, что не остановишь. В ее вкрадчивых, сдержанных движениях угадывалась запредельная мощь разгневанной самки. Юдин облизывался, мысленно желая жене безумной, но праведной злости... Мила отворила дверь. От блеска ее глаз в спальне стало светло, как в операционной. Гертруда Армаисовна покоилась на своем смертном одре в прежней умиротворенной позе, отдавая свое бесчувственное, остывающее тело на растерзание.

Мила вперилась взглядом в усыхающий трупик своей соперницы, жадно разглядывая все то, из чего Гертруда Армаисовна состояла, и на ее глаза стала снисходить сладостная патока нежности и умиления. Так детишки смотрят на спящих зайчиков или котят.

– Баиньки делаем, – прошептала Мила, прижимая палец к расплзающимся в улыбке губам, и, попятившись назад, тихо прикрыла дверь. – Долларами обложилась! Заработала свои грязные деньги и прикорнула малость.

Юдин оторопел. Логика в развитии событий вдруг дала сбой. Мила вовсе не кинулась душиТЬ Гертруду Армаисовну. Мало того, она даже не попыталась ее разбудить! «Баиньки делаем...» И это – все? Это и есть проявление неистовой женской ревности и мести?

Пока Юдин справлялся с нахлынувшей на него очередной волной тупикового ужаса, Мила, мурлыча себе под нос песенку, подошла к входной двери, заперла ее на два оборота и сунула ключи в какое-то затаенное женское место. После чего вернулась в холл, села в кресло, закинула ногу на ногу и взялась за телефон.

– Ты кому звонишь? – спросил Юдин, чуя приближение чего-то еще более скверного, чем уже было.

– Маме, – ответила Мила, всем своим видом показывая, что делает это с необыкновенным удовольствием.

– Зачем?! – воскликнул Юдин. Упоминание о теще даже в самые светлые дни безнадежно портило ему настроение. Сейчас же слышать о ней было просто невыносимо.

– Чтобы приехала, – нараспев ответила Мила и приложила трубку к уху. – Чтобы приехала и увидела эту спидоноску своими глазами.

Юдин едва успел вырвать трубку из руки Милы.

– Не делай этого, я очень тебя прошу! – изо всех сил начал убеждать он. – Не надо маму! Не надо!

– Отдай телефон! – потребовала Мила. Она вовсе не хотела лишать себя такого редкостного удовольствия и наступала на Юдина очень даже решительно.

Только сейчас Юдин понял, что тещу он боится более всего. Это плотоядное существо, появившись тут, неминуемо взяло бы реванш, и победный вопль вырвался бы из ее крысиной пасти, и неопиcуемый восторг селевым потоком снизошел бы на нее. Вот оно! Свершилось! Я ведь говорила, что зять – мерзавец и ничтожество! Я ведь предупреждала, что он гадина! Наконец мы увидели его истинное лицо! Падай же на колени, жирный суслик! Сейчас ты за все ответишь – и за борщи, и за носки, и за навязчивые запахи!

Теперь он был готов на все, лишь бы не позволить теще отыграться, взять верх в их многолетнем и изнурительном поединке. Юдин затолкал телефонную трубку в джинсы, подобно тому, как еще совсем недавно надменный Аль Капоне совал за пояс пистолет. Но Милу это не остановило, хотя она давно забыла, как это делается и что есть интересного у мужчины в штанах.

– Милочка! – неузнаваемо меняясь, жалобно клянчил Юдин. – Давай обойдемся без мамы! Не надо беспокоить старушку! У нее сердце... Давление... Геморрой...

– Нет, без мамы никак не обойтись! – играя с Юдиным, как кошка с полупридушенной мышкой, возразила Мила. – Она будет главным свидетелем на суде. Поэтому должна все увидеть.

– На каком суде? – пролепетал Юдин.

– На бракоразводном! – ответила Мила, удивляясь тому, что муж задает такой глупый вопрос, и ловко вцепилась в его ремень.

– А разве ты собираешься разводиться? – развивал дискуссию Юдин, отступая в сторону кухни.

– А как же, миленький? С меня довольно! Натерпелась. Наелась.

– Ну ладно, как хочешь, – проявил несвойственную ему покладистость Юдин. – Только зачем суд? Можно и без суда. Детей у нас нет. Можно без суда, так сказать, полюбовно. Обо все договоримся...

– Нет, без суда никак нельзя! – улыбаясь, ответила Мила. – Самые широкие слои общественности должны узнать всю твою подноготную сущность! Судья не сможет без слез читать приговор. Твой адвокат после процесса удавится от стыда. Это будет грандиозное событие в судебной практике!

И тут Юдин сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он опустился перед Милой на колени да еще сложил ладони вместе, словно молился перед иконой.

– Ты права, – забормотал он. – Это будет грандиозный процесс. Но только не бракоразводный... Ты еще ничего не знаешь... Я ведь... я ведь ее убил!

Мила скривилась.

– Как мне надоела твоя ложь, Юдин! – презрительно сказала она.

– Да иди и посмотри сама! Она уже посинела и закоченела!

– Ну и что? Все сифилитички синие и закоченевшие! Я все равно не верю ни одному твоему слову. Вот приедет мама, все увидит своими глазами...

И Мила снова попыталась отобрать у Юдина телефон. Но тут у Юдина окончательно сдали нервы. Он ударился головой о пол, и слезы выплеснулись из его глаз, словно пенистое шампанское из бутылки.

– Милочка! Милочка! – всхлипывал Юдин, целуя застешки на туфлях жены. – Очень тебя прошу... Умоляю... Не надо... Пощади... Хочешь, я дам тебе денег? Много денег!

– Давай! – вдруг согласилась Мила и требовательно протянула руку.

– Сейчас! – кивнул Юдин и снова ударился головой о пол. Боясь, что жена передумает, он кинулся в спальню и принялся сгребать раскиданные по постели купюры. Пусть забирает эти мерзкие бумажки! Пусть все заберет и уйдет! Только быстрее бы она ушла! Светает с каждой минутой. Скоро на улицы выйдут дворники, и тогда незаметно вынести труп будет невозможно. Придется снова дожидаться темноты... Нет, только не это!!

Он перетянул резинкой кривую, неряшливую пачку и в дрожащих ладонях вручил ее жене.

– Сколько здесь? – спросила она, небрежно кидая пачку в дорожную сумку.

– Тридцать...

– Мало, – проявила необыкновенное стяжательство Мила.

– Но-о-о...

– Или мне позвонить маме?

Черт с ними, с деньгами! Лишь бы быстрее ушла, и с концами! Юдин вынес в прихожую стул, встал на него и стал выламывать рейки подвесного потолка. Мила следила за мужем с веселым интересом.

– Вот еще десять, – сказал Юдин, протягивая Миле запыленную и горячую от лампочек пачку долларов.

– Еще! – потребовала жена.

Все к черту! Все! Юдин, сжимая в руке отвертку, словно грозное оружие, забежал в гостиную и принялся раскурочивать колонки домашнего кинотеатра. На ковер посыпались пухлые пачки: одна, вторая, третья...

– Это все, – задыхаясь от работы, сказал Юдин и вытер грязный пот со лба.

– Ой ли? – скептически уточнила жена.

Конечно же, она знает, что это еще не все. Ее уже не обманешь, как прежде. Даже если Юдин будет говорить ей чистую правду, она не поверит ни единому его слову. Он опустился на четвереньки и стал выламывать паркетные дощечки.

– Какой ты, оказывается, бережливый затейник! – заметила жена. – Наверное, хранил нам на старость, так ведь? Заботился о семье, думал о нас с тобой? И как все аккуратно сделано – дощечка к дощечке, никогда не догадаешься, что там наш семейный тайник...

– Хватит издеваться! – взмолился Юдин, сунул руку под пол и вынул оттуда полиэтиленовый мешочек. – Вот! Это последнее! Больше ничего нет! Забирай и уходи!

Он кидал тревожные взгляды на окна. Уж очень быстро светает!

Мила затолкала пачки денег в спортивную сумку, вжикнула «молнией».

– Но это еще не все, – сказала она.

– Тебе этого мало? – взвыл Юдин и зачем-то рванул на груди рубаху. Все высосала из него! Всю его жизнь и все его накопления! Все женщины одинаковые, все они кровососки! Гнать ее отсюда! И выкинуть эту гадкую женщину из памяти!

– Ты должен написать расписку... Вот тебе ручка, бумага... Пиши: «Я, Юдин Александр Анатольевич, не возражаю против расторжения брака...»

Такую расписку он напишет с удовольствием! И даже каллиграфическим почерком. Чтобы у работников загса никаких вопросов не возникло. Чтобы они прекратили затянувшуюся агонию этой идиотской семьи гербовой печатью. Шлеп – и динозаврик не жена Юдину более. Не жена!

Он старательно писал под ее диктовку.

– «...и никаких материальных претензий к ней не имею», – диктовала Мила. Потом она внимательно перечитала, что он написал, аккуратно сложила листок пополам, спрятала в сумку, сделала Юдину ручкой и ушла.

11

Ушла. Ушла! Ушла!! Юдин подпрыгнул молодым козлом, хлопнул в ладоши, присел, изобразил руками какую-то замысловатую фигуру. Ему хотелось сплясать гопака... Но не сейчас. Потом. Он должен как можно быстрее упаковать Гертруду Армаисовну в мешок и вынести на улицу. Найти в каком-нибудь чужом дворе мусорный бак и кинуть ее туда. И покончено с этой страшной историей! Он ничего не знает. Пушкин подтвердит, что Гертруда Армаисовна ушла от него живой и невредимой и пропала где-то по дороге домой. И денег у Юдина никаких нет. Пусть сыщики взломают все полы, разобьют все стены, обрушат все потолки в его квартире. Хорошо, если найдут долларов сто. Нет никаких улик! Юдин чист, как писсуар в платном туалете... Вот только... только...

Он вдруг испугался того, что мог в суматохе забыть об очень важной улике. Во-первых, туфли Гертруды Армаисовны. Их непременно надо надеть ей на ноги. А во-вторых, ее сумочка. Там может быть еще какой-нибудь компромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.